

Монах Иосиф Дионисиатис

Старец Арсений Пещерник, сподвижник старца Иосифа Исихаста

По благословению епископа Тираспольского и Дубоссарского Юстиниана

© Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. 2002.

Содержание

Приветствие Его Блаженства Архиепископа Хризостома

«Тихий и великий делатель добродетели»

Введение

Детство. Божественное призвание

Детские годы

Божественное желание и мужественное решение

Пешком в Константинополь

На Святой Земле

Встреча с Иеронимом Эгинским

Первые годы на Афоне. На послушании у простеца старца Ефрема

Афон – монастырь Ставроникита

Во внутреннейшую пустыню

Знакомство монаха Арсения с юным Франциском

Поиски старца

Послушание двух подвижников простому и святому старцу Ефрему

В скиту святого Василия (1923–1938)

Время подвигов

Инициативу берет на себя монах Иосиф

С Даниилом-исихастом. Старец Кирилл

Сухари – обычная пища подвижников

Предание о нагих подвижниках и двое босых

«Послушание лучше жертвы»

Доброе расположение и благословение Старца

Различные случаи из жизни двух подвижников

Пример духовного рассуждения старца Арсения

Немного о преподобном Силуане Афонском

О бдении

Распорядок

Чтение

Слово старца Арсения – плод опыта

Беседы старца Арсения с благочестивыми паломниками

Затворник Иосиф причащается из рук Ангела. Суровые подвиги. Яблоки Божией Матери

Отец Герасим (Менаяс)

Ефрем «тучный»

Два случая чудесного возвращения

О непреклонном подвижнике

Малая Анна. Последнее братство старца Иосифа

В пещеры Малой Анны (1938–1953)

Отец Ефрем Катунакиот

Знакомство отца Ефрема со старцем Иосифом

Снова к каливам

Племянник старца Арсения

Отчет за день – самоиспытание

Успение Великого Старца. Отец Арсений становится старцем братства

Старец Феофилакт. Переход в Новый Скит (1953–1967)

Отец Афанасий

Преподобническая кончина Великого Старца

В Буразери

Переезд из Нового Скита на большие русские келии Буразери и святого Артемия в Провате (1967)

Сны старца Арсения

Преставление русского монаха. Собака псевдо-Василия

Последние подвиги

Со старцем Паисием-подвижником

Небольшие поучения старца Арсения

Из жизни старца Арсения

Отныне и впредь будут говорить: «Иеромонаха Харалампия»

Последние годы в монастыре Дионисиат. Кончина старца Арсения

В священную обитель святого Дионисия

В монастырской больнице

Плоды многолетних трудов

Блаженная кончина

Погребение старца

Эпилог

Приложение

Иеромонах Харалампий, исихаст и игумен (1910–2001)

Чудеса, совершавшиеся по молитвам отца Харалампия

Отец Харалампий как духовник

Примечания

Приветствие Его Блаженства Архиепископа Хризостома

С отеческой заинтересованностью мы приветствуем издание книги «Старец Арсений Пещерник».

Ее автору, отцу Иосифу Дионисиатису, киприоту по происхождению и монаху, проведшему более тридцати лет на Святой Горе, посчастливилось общаться со святыми людьми, которые жили по заповедям Евангелия и являлись образцами добродетели и святости. Одним из таких наших святых современников является и старец Арсений, житие и поучения которого содержит настоящая книга.

Будучи убеждены, что читатели книги «Старец Арсений Пещерник» получают благодаря ей пользу, мы благословляем ее издание и предлагаем ее для чтения христоименитой полноте нашей Церкви.

*Молитвенник ко Господу Хризостом, Архиепископ Кипрский
Священная Архиепископия Кипра, 20 июня 2001 года*

«Тихий и великий делатель добродетели»

Старец Арсений

К старцу Арсению поистине может быть отнесено евангельское: ***вот подлинно Израильтянин, в котором нет лукавства.*** От природы он был прямым, простым, беззлобным, кротким, послушным и исключительно редким подвижником, также и нестяжательным. К старцу Арсению всегда можно было отнести евангельское: ***да, да; нет, нет.***

Никогда он не злопамятствовал, что бы ты ему ни сделал, никогда не гневался, никогда не причинял никому вреда.

Послушание его было совершенным, поэтому благодаря послушанию и абсолютной вере в Старца он ежедневно жил превыше законов естества.

Совершать бдение он начинал вечером, трудясь в тысячах поклонов и во всенощном стоянии до самого рассвета.

Он так сосредотачивался в молитве и так к ней прилеплялся, что часто, когда приходило время труда, даже и не думал прекращать молитвы.

Тогда по необходимости мы подходили к его окошку, чтобы позвать его, и видели, как он стоял прямо и пребывал в мире ином.

– Геронда, пришло время труда.

И старец, придя в себя, в недоумении отвечал нам:

– Разве уже рассвело?

При всей своей простоте этот старец постиг саму суть монашеской жизни. Всего себя он предал послушанию и подвигу, почему и сподобился желаемого. Он обрел в себе молитву, обрел Бога.

Монах, который не стремится к этой цели в первую очередь, потерпел неудачу.

Старец Арсений был тихим и великим делателем добродетели. Это один из современных афонских святых.

Благословение его да пребудет с нами.

Старец Иосиф Ватопедский

Настоящее не только по долгу, но и по справедливости посвящается ныне уже преставившемуся к небесам приснопамятному моему старцу и честному игумену монастыря святого Дионисия Харалампию как ведущему свое происхождение и по плоти и по духу из рода Арсения Пещерника.

Прими же, отче приснопамятне, настоящее, яко надгробную лепту вдовы, безмерной признательности ради.

Монах Иосиф Дионисиатис

Введение

Поминайте наставников ваших, которые проповедывали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их. Евр. 13, 7

Когда я впервые решил посетить Святую Гору Афон в спасительное лето 1964 года, то, по Божественному устроению, монастырь святого Дионисия Афонского был первой святогорской обителью, принявшей меня. В нем мы с моим другом-мирянином (ныне он иеромонах) прожили около двадцати дней.

Там среди других отцов был особенно славен приснопамятный игумен Гавриил. Этот чудный игумен ради повышения, как он говорил, духовного уровня призвал из афонской пустыни добродетельных духовников для помощи ему в его священных трудах.

В то время обитель получила особое благословение, обогатившись одним из таковых духовников – из духовных чад великого исихаста наших дней старца Иосифа Пещерника. Духовника звали отец Харалампий. Один наш земляк, послушник монастыря, предложил провести нас к подвижнической каливке духовника, которая находилась на расстоянии часа с небольшим ходьбы от обители по направлению к Новому Скиту.

И вот весенним утром вместе с моим другом и нашим проводником – послушником и земляком – мы вышли из монастыря. Моим первым впечатлением, которого мне никогда не забыть, была та прекрасная прогулка по узкой тропке среди цветущего и благоухающего леса и кустов слева, со стороны Афона, и крутого и обрывистого склона справа, где виднелся безбрежный залив Сигитикос на фоне второго полуострова Халкидик. Дальше, после одного из спусков, появляется монастырь святого Павла и прямо над ним – заснеженное ущелье и ослепительно белый Афон, как некий мифологический гигант. Открывается панорамный вид и святая вершина, покрытая, словно покрывалом, белыми облачками.

В скором времени показалась и высокая башня Нового Скита. Как только мы завидели первую каливу, наш проводник сказал:

- Это отца Ефрема, духовного брата нашего духовника. Хотите с ним познакомиться?
- Конечно, да!

Зашли внутрь. Старец принял нас с большой теплотой, и его просвещенные слова произвели на нас самое лучшее духовное впечатление.

Еще кое-что оставило свой след в моей душе. Это было поведение трех–четырёх его послушников, которые принесли нам обыкновенно подаваемое в таких случаях угощение, принесли молча, лишь шепотом непрерывно повторяя молитву: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя». Мне показалось, что они живут в ином мире.

Посмотрев из окна келии, мы увидели внизу под скалой две другие каливки.

- Что это за каливы?
- Это каливка нашего духовника.
- А вон та, маленькая?
- А там живет один святой старчик – отец Арсений... Но не спешите, мы всё увидим.

Выйдя, мы спустились к келии отца Харалампия – духовника. Видим – кто-то работает в саду. «Да вот он», – сказал нам наш проводник. Едва завидев нас, отец Харалампий оставил свою работу, с большой любовью поприветствовал нас и пригласил пройти в каливу.

После чудных впечатлений, полученных от общения с духовником, нам осталось посетить того старца, который жил в каливе по соседству.

С первой же минуты мы увидели в его спокойном лице черты преподобного со многими дарованиями – кротостью, любовью, смирением. Но наиболее выделялись его блаженная простота и незлобие. Это и был старец Арсений.

С этим святым старчиком я сподобился прожить последующие восемнадцать лет его земной жизни – от того дня, как Госпожа наша Богородица вырвала меня из мира и сопричислила к молодому братству духовника отца Харалампия. Старцем братства, как старший, считался, конечно, отец Арсений, но административная ответственность всецело была возложена на моего старца – отца Харалампия.

В последние годы было издано немало книг о современных афонских отцах. Но поскольку до сей поры почти ничего не было написано о чудесной жизни, прожитой отцом Арсением, особенно же о тех годах, которые он провел под просвещенным руководством своего великого сподвижника – старца Иосифа Пещерника, – то мое недостойное, несмотря на всю свою неспособность к литературному труду, сочло своим обязательным долгом набросать об этом святом старце хотя бы несколько строк. Кроме того, таково было

и общее пожелание многих его духовных чад.

Все, что я помещаю здесь, заимствовано либо из рассказов самого старца, либо из рассказов людей, составлявших его ближайшее окружение.

Настоящее издание может быть охарактеризовано и как некое обзорное повествование о жизни двух великих сподвижников – отцов Иосифа и Арсения, а вместе с ними и их духовных чад. Однако центром и главным лицом повествования всегда является старец Арсений.

Что же касается языка, то я до некоторой степени свободно и в смешанном стиле передаю выражения старца, потому что, как известно, на новогреческом языке приснопамятный отец говорил несколько несовершенно.

Всем, кто так или иначе посильно помогал написанию этой книги, я выражаю свою теплую благодарность.

Детство. Божественное призвание

Детские годы

Как рассказывает сам старец Арсений (в миру Анастасий Галанопулос, сын Димитрия и Сотирии), первой его родиной был тот самый благословенный и прославленный Понт, который, несмотря на всю тяжесть турецкого ига, смог остаться непоколебимым в своей верности греко-православному преданию. Впрочем, иногда давление со стороны турков становилось все же настолько сильным, что приходилось выбирать: либо отречься от веры, либо переселиться в другое место.

Нечто подобное случилось и с семьей маленького тогда Анастасия. Когда ему было двенадцать лет, непрерывные притеснения, грабежи, ночные нападения и многое другое вынудили его большую семью, а также и многих других его соотечественников переселиться на юг России. Там, в православном окружении, понтийский эллинизм беспрепятственно сохранил свои благословенные и неповторимые традиции.

Я привожу кое-что из того, что мы слышали из освященных уст старца, поскольку полагаю, что жалко было бы предавать это забвению. Я верю, что это принесет нам пользу и послужит добрым примером.

У понтийцев был очень хороший обычай: в родительском доме, доколе был жив дедушка, все дети мужского пола после своей женитьбы оставались вместе, живя так до смерти дедушки. Можно сказать, что понтийские дома являлись в своем роде образцовыми малыми или большими киновиями, и в них, как некий старец, первое место занимал дедушка, которому оказывалось особое уважение.

Утром все члены семьи, прежде чем уйти зарабатывать «хлеб насущный», должны были подойти к дедушке, поцеловать его руку и получить у него благословение. Когда вечером мужчины возвращались с работы, младшая невестка была обязана омыть им ноги. А мужчин было немало. (Старец говорил нам, что один только их дом «разросся до пятидесяти двух ложек».)

Что же касается послушания, уважения к старшим и религиозного благочестия, которые царили в этих семьях, то, без преувеличения, в этом отношении сегодня им позавидовал бы самый дружный монастырь.

Да и в посте они, без сомнения, могли бы посоревноваться с нынешними общежительными монастырями. Строгие посты всего года соблюдались в точности. Пост же первой седмицы Великого поста (когда от пищи обычно воздерживаются первые три дня) продолжался, как рассказывал нам старец, с понедельника до субботы. В среду и пятницу, причастившись Святых Таин за литургией Преждеосвященных Даров, они подкрепляли свои силы антидором и небольшим количеством хлеба, и так – до самой субботы, когда вкушали уже уставную пищу с растительным маслом.

Что же касается добродетели, то, как говорил старец Арсений, дедушка здесь твердо занимал свое место. Он был образцом для всех. Он никогда не гневался. Давал советы со всей любовью и всегда сам был их первым исполнителем.

Но и бабушка, впрочем, не упускала поучительного случая, чтобы его добродетель была явлена и детям.

Однажды дедушка усталый пришел с работы и сел за стол. Бабушка же специально добавила в пищу столько соли, что она сделалась совершенно несъедобной. Дедушка, положив в рот одну ложку, тотчас ее выплюнул. Потом без всякого возмущения, без какого-либо замечания он закричал: «Су, су, кетир су», что означает «принесите воды». Он влил из кувшина достаточное количество воды, пока еда не стала съедобной, и продолжал трапезу так, как будто ничего не случилось.

В другой раз пищу приготовили, наоборот, совершенно без соли. И снова: «Туз, туз, кетир туз», то есть «принесите соли». Поев этой безвкусной пищи, он встал, перекрестился и сказал от всего сердца: «Слава Тебе, Боже, поели мы и сегодня».

Полагаю, что этого достаточно, чтобы получить пользу от примеров суровой жизни наших предков.

В таком благословенном окружении провел детские годы Анастасий, уже тогда вместе с младшей своей сестрой Парфеной отличавшийся благочестием.

Греческого он почти не знал, но очень хорошо говорил по-понтийски и по-турецки. Позже выучил и русский. Религиозные книги, и прежде всего жития святых, он читал на тех языках, которые были ему известны.

Особое место в его душе занимал святой Алексий, человек Божий. Когда бы ни рассказывал нам отец Арсений о нем, сердце его раскрывалось. На протяжении всей жизни старца этот святой оказывал ему особенное покровительство и многократно помогал в трудных ситуациях.

Божественное желание и мужественное решение

С ранних лет в Анастасии и Парфене начало проявляться желание монашеской жизни. Наконец было принято и благословенное решение.

Когда юноша услышал о паломничестве в Палестину, его сердце загорелось, и он решил отправиться в путь с целью посвятить себя служению Богу в Святой Земле, там, где благоволил ходить Сам Господь.

Но необходимо было преодолеть одно, последнее препятствие. Существовало благочестивое понтийское предание, гласящее, что человеку, который в этом мире не покрестит ни одного ребенка, Христос в жизни иной положит за пазуху камень.

Анастасий с естественной простотой, которая вообще его отличала, верил в это. И потому, как только узнал, что жена его брата Леонида беременна, тотчас поспешил к нему и напросился в крестные. В крещении ребенка назвали Харалампием. Однако дадим маленькому Харалампиию подрасти. Немного позже мы вернемся к нему вновь.

Что же касается Анастасия, то сам он впоследствии говорил о себе так: «Теперь меня ничего не удерживало. Я собрал немного денег для билета на корабль, взял на плечо одну смену белья и однажды погожим днем отправился во Святую Землю».

Пешком в Константинополь

Горя божественной ревностью, после многодневного путешествия пешком и множества трудностей Анастасий из России, усталый, приходит к своей первой остановке.

«Первой моей остановкой,— рассказывал он,— был Константинополь. Там я искал судно, которое отплывало бы в Палестину. Со мной там приключилось нечто неожиданное. Подходит ко мне какой-то мошенник и предлагает мне себя в проводники. В

результате он забрал у меня деньги, которые у меня были на билет. Мало того, я без всякого лукавства еще и поведал ему о том, что желаю стать монахом. Забрав все мои деньги, якобы для того, чтобы купить мне билет, он привел меня ночевать в один дурной дом. Там он посоветовал “добрым” женщинам окружить меня “особой” заботой. Едва дойдя до дома, я, сильно устав с дороги, попросил, чтобы меня положили куда-нибудь спать. Одна женщина показала мне угол в каком-то коридоре. Я тотчас прилег и заснул, но часто просыпался от шума, песен и неподобающих разговоров.

Но вот рассвело. Я встал, поблагодарил за ночлег и ушел. Когда я вышел, какой-то неизвестный человек остановил меня и спросил:

– Что ты там делал?

– Меня привели туда ночевать.

– Здесь, чадо мое, куда тебя привели, дурной дом, но твой Ангел сохранил тебя. Ладно, теперь ступай, но в следующий раз будь внимателен».

Мы спрашивали старца, кто же был тот неизвестный. И он со свойственной ему простотой говорил:

– Как знать! Может, это был Ангел-хранитель, а может, и святой Алексей!

Мошенник тот больше не появился, старец же, оставшись без гроша в кармане, сумел, однако, с помощью Божией снова раздобыть средства на билет в Палестину.

На Святой Земле

Наконец Анастасий прибывает на Святую Землю. Каждый его шаг, как он рассказывал, сопровождала тогда мысль, что он недостоин ступать там, где ходили Христос и Его Пресвятая Матерь.

На Святую Землю он приехал около 1910 года и прожил там около восьми лет, исполняя служение у различных святых: у Гроба Господня, в монастыре святого Иоанна Предтечи, в Вифлееме. Куда бы его ни посылали, в любое место он отправлялся с готовностью. Наконец он был пострижен в монахи (в рясофор) с именем Анатолий на Сорокадневной горе.

Также и единокровная с ним сестра его Парфена, постригшись в возрасте всего лишь шестнадцати лет в монахини в монастыре Феоскепаст в Понте и получив в постриге имя Евпраксия, впоследствии, горя божественной ревностью, прибыла к спасительным местам Палестины. Там они встретились, и Анастасий устроил свою сестру в одну из женских обителей.

Встреча с Иеронимом Эгинским

В то время один благоговейнейший иеродиакон из Каппадокии, по имени Василий, исполнив свое желание и обойдя святые места, обосновался в монастыре святого Иоанна Предтечи, находящемся у Иордана, где на протяжении многих месяцев был экономом. Этот клирик впоследствии стал известным эгинским подвижником Иеронимом.

И вот в монастыре святого Иоанна Предтечи благоговейный диакон Василий встречается с другим юношей, горящим божественной ревностью, – тогда еще послушником Анастасием. Для обоих эта встреча стала вехой в жизни. Наконец Анастасий нашел то, что искал, – руководителя, способного научить его тому, как подвизаться. Отец Василий, удивляясь столь великой духовной жажде молодого послушника, рассказал ему о том, что видел сам, что слышал и что пережил на своей родине рядом со святыми людьми.

Старец Иероним Эгинский –
первый наставник в монашестве
старца Арсения

С того дня Анастасий установил для себя суровый подвижнический распорядок. Едва открыв сокровище и вкусив первых плодов, он тут же позвал свою сестру, которую представил «учителю». С первых же шагов чувство пламенной молитвы и божественного эроса не замедлило явиться в них.

Анастасий, как уже говорилось, был пострижен в монахи с именем Анатолий на Сорокадневной горе и с ревностью подвизался на протяжении восьми лет у различных святынь Палестины. Услышав же от своего учителя, что в пределах Элады есть место, целиком посвященное молитве и служению Богу, – Святая Гора, он без промедления решил переселиться туда.

Что же касается его благоговейнейшего наставника – иеродиакона Василия, он по исполнении своего пламенного желания возвратился в Константинополь, где и прожил довольно долго. Затем, по Божественному устроению, он прибыл на остров Эгина, будучи прежде рукоположенным во пресвитера и возведенным на степень духовника. Услышав о великой славе игумена афонского монастыря Симонопетра Иеронима, который впоследствии поселился на монастырском подворье в честь Вознесения Господня в Афинах, отец Василий настолько близко сошелся с ним, что, быв пострижен им в ангельский образ, получил и сам имя Иероним.

Монахиня же Евпраксия, много лет прослужив у спасительных святынь, услышала затем, что ее учитель находится теперь на Эгине. Познав в его лице, как первомученица Фекла в лице Павла, истинного отца, врача и наставника, она простилась со Святой Землей и прибыла вслед за ним на остров святого Нектария.

Герондисса Евпраксия – родная сестра
старца Арсения и ученица старца
Иеронима

Поскольку, по Божественному домостроительству, мне посчастливилось познакомиться в аскитирии Эгины с этим светлым и благодатным клириком, я привожу здесь то небольшое, что мне довелось услышать из его освященных уст.

«На своей родине, – говорил отец Иероним, – я застал святых людей, благодаря которым сделал первые шаги. Один из них был женат и имел детей. Рядом с домом он построил маленькую каливу, где и подвизался. Он закрывался внутри без хлеба, без воды, строго наказывая, чтобы его не посещал никто, если не увидит дверь открытой.

Часто он оставался в таком затворе без воды и пищи до пятнадцати дней. Представляете, каково было его духовное состояние, несмотря на то что он был простым мирянином!».

Также для нашей пользы отец Иероним говорил: «Никогда, даже до сего дня, я ни разу не протянул руки к печке, чтобы погреться. И никогда в своей жизни я не прикасался к женщине». Он часто повторял это для того, чтобы предостеречь своих чад от «невинной любви», которую враг зачастую использует как соблазн и в действительности, и в воображении.

Этот старец, явившийся первым поистине благодатным человеком, с которым я познакомился в своей жизни, был наделен редким даром прозрения, благодаря которому и в моем ничтожестве смог предвидеть многие будущие события.

В своих поучениях он всегда уделял особое внимание молитве и частому, насколько это возможно, причащению Божественных Таин. Вот его характерные слова: «Если при молитве выжмете хотя бы и две капли слез, то это имеет великую силу».

Что же касается пищи, то, несмотря на свою снисходительность по отношению к нам, к себе он был очень строг. Обычной трапезой отца Иеронима, как говорила его принопамятная ученица старица Евпраксия, был цорвас – жидкий восточный суп.

Завершая эту главу, я помещаю здесь отрывок из книги «Старец Иероним Эгинский» благочестивой писательницы Сотирии Нуси:

«В монастыре святого Иоанна Предтечи (в Святой Земле) старец Иероним встретился и заключил узы братской дружбы с родным братом монахини Евпраксии – тогда послушником Анастасием. И с самой Евпраксией он впервые встретился там же... и она удостоилась на протяжении целых сорока семи лет служить ему с такой простотой и с таким благоговением».

Наставляемый таким учителем, молодой тогда послушник Анастасий начал свои великие подвиги еще в Палестине.

Первые годы на Афоне. На послушании у простеца старца Ефрема Афон – монастырь Ставроникита

Монах Анатолий, покинув Святую Землю около 1918 года, подобно быстрокрылому орлу, достиг Святой Горы, где избрал самый бедный в ту пору монастырь – Ставроникита – с целью использовать его идиоритмический устав для своих суровых подвигов. И вскоре стала очевидной добродетель юноши, который днем ходил на любые послушания, где только была необходима помощь, а ночью совершал бдения так, как научил его подвижник Иероним.

По прошествии недолгого времени он был облечен в ангельский образ, получив имя Арсений. Постриг, согласно воле его восприемника, совершался на келии Благовещения Пресвятой Богородицы в Карее, принадлежащей монастырю Симонопетра.

С принятием святого образа сердце юного Арсения загорелось желанием больших подвигов. Монастырь Ставроникита стал казаться ему слишком тесным для того, чего он возжаждал.

Юноша был охвачен смешанным чувством: с одной стороны, желание безмолвия, с другой же – страх, что, быть может, нет воли Божией на то, чтобы ради высшего образа жизни он покинул место своего покаяния. Посоветовавшись со своим старцем и поразмыслив над этим вместе с ним, он на первое место в своей молитве поместил псаломский стих: *Скажи мне, Господи, путь, в оньже пойду*. Человеколюбивый же Бог, творящий волю боящихся Его, не замедлил уведомить эту чистую душу гласом, подобным тому, который был некогда к Арсению Великому: «Арсений, бегай и спасайся», «Арсений, молчи и безмолвствуй».

Во внутреннейшую пустыню

Теперь, когда Арсений сподобился извещения и призвания свыше, ничто его не удерживало. Получив благословение своего восприемника, он, подобно жаждущему оленю, поспешил к вершине Афона, украшенной в то время блеском славы множества богоносных подвижников и духовных отцов, среди которых сиял, подобно утренней звезде, старец Даниил, основатель знаменитого исихастирия данилеев, названного так по его имени.

Знакомство монаха Арсения с юным Франциском

По Божественному призванию и домостроительству другой юноша, покинув мир, с редкостной божественной ревностью прибывает на Афон около 1920–1921 годов и исследует пещеры и ущелья Святой Горы, желая обрести здесь богоносных подвижников и утолить свою духовную жажду.

Оба юноши по Божественному мановению поднимаются на святую вершину 5 августа, под 6-е число, на престольный праздник Преображения. Там, высоко наверху, и состоялась их первая встреча. Убедившись в сходности своих исканий и томящей их божественной жажды, они пообещали впредь пребывать неразлучными до смерти.

Однако необходимо подчеркнуть и следующее: отец Арсений, осознавая свою меру и вместе с тем видя в бывшем еще мирянином Франциске великие дарования и административные способности, с первой же минуты попросил его взять инициативу на себя. Вот его характерные слова: «Отныне ты будешь глазом, а я – ухом».

И вот, спускаясь с вершины Горы, они мимоходом посетили исихастирий уже упоминавшегося старца Даниила и действительно признали в нем современного богоносного отца. Но, поскольку чрезвычайная ревность по Богу препятствовала им участвовать в обычной общежительной трапезе, они не остались и там.

Но, прежде чем начать свои духовные поиски, они сочли за благо посоветоваться с этим прославленным духовником, который в силу своей опытности, увидев их истинную ревность, не стал препятствовать их желанию. Однако он подчеркнул, что им совершенно необходимо подчиниться какому-нибудь старцу до самой его кончины, чтобы избежать сетей прелести и наследовать его благословение.

Для того чтобы изобразить картину в красках и дать читателю возможность хотя бы отчасти представить себе редкую божественную ревность и первые подвиги Франциска, я ненадолго передаю перо ему самому. Вот автобиографические строки одного из многих его писем:

«Жил я в миру и тайно творил суровые, до пролития крови, подвиги. Ел после девятого часа и раз в два дня. Пентельские горы и пещеры познали меня как ночного ворона, алчущего и плачущего, ищущего спастись. Испытывал, могу ли я вынести страдания, уйти монахом на Святую Гору. И когда хорошо поупражнялся несколько лет, просил, чтобы Господь меня простил, что я ем раз в два дня, и говорил, что, когда приду на Святую Гору, буду есть раз в восемь дней, как пишут жития святых».

Под влиянием этого исключительного божественного желания два подвижника обходят все прославленные аскитирии и пещеры Афона, чтобы утолить свою духовную жажду. Вот еще красноречивые строки из приведенного выше письма: «Пещеры всего Афона принимали меня своим посетителем. Шаг за шагом... стремился я найти духовника, который научил бы меня небесному созерцанию и деланию».

Поиски старца

Ниже исихастирия данилеев подвизался в ту пору сияющий своей славой великий исихаст Каллиник. «Мы посетили его, – говорит отец Арсений, – и попросили оставить нас в своем братстве. Действительно, он оставил нас, но его единственным советом было точное хранение послушания.

– Да, буди благословенно, геронда, пусть будет так. Но скажите нам, как подвизаться.

Тогда сей великий подвижник говорит нам:

– Если я научу вас своему искусству и вы вкусите меда безмолвия, то кто же будет тогда работать?

– А как же быть?

– Сейчас вы будете находиться в послушании, а когда я умру, получите в наследство мой дар».

Юноши посмотрели друг на друга: суровое слово. Но на самом деле, таково и было условие этого великого исихаста.

«В действительности, – продолжает отец Арсений, – это было прикровенное указание нам, чтобы мы ушли. Потому что отец Каллиник постоянно пребывал в затворе и не

открывал никому. Но существовал обычай, о котором знали его соседи: если ему что-нибудь было нужно, он поднимал платок, как флаг. Это означало, что ему что-то необходимо. Тогда первый увидевший это входил в каливу.

Затем мы снова задали ему вопрос:

– Геронда, если мы уйдем отсюда, будешь ли ты принимать нас иногда для совета?

– Конечно, только найдите старца, и с его благословения я буду в вашем распоряжении».

Полагаю, что не следует оставлять без внимания тактику этого великого подвижника. Сам он проводил жизнь в сухоядении и всеобщих бдениях, но предпочтение отдавал блаженному послушанию и отсечению своей воли, находясь в единогласии со светильником маленькой киновии данилеев старцем Даниилом и сонмом всех преподобных и богоносных отцов, согласно исповедующих, что без послушания мы строим на песке, какой бы суровой ни была наша жизнь.

В уже упоминавшемся письме старец Иосиф описывает свое первое духовное видение, когда он приобрел непрестанную молитву. «Однажды,– говорит он,– случилось у меня много искушений». Однако Старец умалчивает о том, что представляли собой и насколько были велики эти «многие искушения», с которыми нас, как очевидец, познакомил отец Арсений. Единственное, что мы можем с удивлением констатировать, так это то, что он, по изречению псалмопевца, действительно *прошел сквозь огонь и воду*.

Но Господь показал, что только через искушения и скорби *надлежит нам войти в Царствие Божие*, и отец Иосиф воспринял, как я говорил, первое великое Божественное посещение, «будучи голодным и изнуренным слезами», как сам пишет в своем 37-м письме.

Послушание двух подвижников простому и святому старцу Ефрему

«Наконец,– повествуется в 37-м письме,– мы нашли одного простого, доброго и беззлобного старчика, который дал нам благословение подвизаться, сколько это в наших силах, и исповедоваться у того духовника, который нам наиболее подходит». Этим старчиком был известный отец Ефрем-бочар, калива которого была посвящена Благовещению Божией Матери и находилась немного ниже известного исихастирия данилеев. Этот благой старец не замедлил постричь в великую схиму послушника Франциска, переименовав его в Иосифа.

Было бы несправедливо умолчать о добродетелях этого святого старца Ефрема, и прежде всего о нестяжательности, любочестии, неприхотливости и как бы венце всех добродетелей – блаженной простоте, которую многие использовали, к сожалению, в корыстных интересах.

Его главным рукоделием было изготовление бочек. Никогда и никому он не отказывал в помощи, как бы занят он ни был, и никогда ни с кого не требовал денег. С одной стороны, он был замечательным бочаром, а с другой – брал, сколько давали. Как следствие этого, старец день и ночь работал на других и поэтому меньше времени посвящал духовному деланию.

Даже миряне узнали об этом и приходили к старцу за бочками. Вот он заканчивал бочку, и, несмотря на то что ее цена была тогда тысяча драхм, ему давали пятьдесят–сто драхм и спрашивали:

– Хорошо, отец Ефрем?

– Да-да, хорошо, спасибо.

«Мы,– говорит старец Арсений,– сразу поняли, что здесь происходит. А потому однажды отец Иосиф подзывает меня и говорит: “Из-за этого рукоделия не только нарушается наше безмолвие, но и старец может пострадать от переутомления, потому что

он по своему любочестию никому не может отказать. Помолимся сначала, отец Арсений, а потом спросим его, согласен ли он удалиться вместе с нами в более уединенное место”. Так и было. Сказав о своем помысле старцу, мы вывели его из тупика. Он согласился с радостью и подтолкнул нас на поиски более уединенного места».

В скиту святого Василия (1923–1938)

И старец Арсений продолжает:

Келии молодых (в то время) подвижников Иосифа и Арсения в скиту святого Василия

«Учитывая то, что главным образом нужно было освободить старца от тяжелой работы, мы обратили свой взор на скит святого Василия, где нашли одно очень удаленное, безмолвное, но и труднопроходимое место.

Наш старец с радостью согласился на это, и однажды утром, попросившись со своей трогательной церковкой и со всеми соседями, на муле мы подняли старца и немного самых необходимых вещей в скит святого Василия.

Казалось, было необходимо, чтобы эти крутые и обрывистые скалы стали жилищем первого подвижника и начальника монашеского чина. Так мы и посвятили великому Предтече построенную нами церковь.

В этом благословенном месте мы начали уже свои великие подвиги.

Между тем наш старчик, освобожденный от житейских попечений, ожил и отдал все свои силы высшим духовным подвигам и всенощным стояниям».

Желая немного повеселить нас, как он частенько делал, отец Арсений добавляет:

«В конце жизни силы стали оставлять его, что вполне естественно, и он более не мог совершать такие бдения и столько молитв по четкам, как прежде.

Внутренний вид келии в скиту святого Василия

В то время в скиту святого Василия подвизался монах Матфей, впоследствии предводитель матфеистов – группы старостильников. У него было в обычае на общих собраниях выходить на амвон и говорить подвижникам проповедь. Однажды в проповеди он сказал: “Братия, сократились дни”.

Вернувшись домой, старчик со всей своей простотой говорит нам:

– Вот это отец Матфей, bravo! Сегодня он разрешил мое недоумение. Вот почему я теперь не совершаю столько четок, как прежде, – потому что сократились дни!».

А отец Арсений с той же простотой говорит ему:

– Нет, геронда, просто ты ослабел и спишь.

Но старец стоит на своем:

– Нет, отец Матфей говорит, что сократились ночи.

С таким редким даром простоты этот старчик отошел от привременного, предузнав свою кончину и оставив в наследие двум послушникам свое благословение.

Время подвигов

Инициативу берет на себя монах Иосиф

Тотчас по кончине старца отец Арсений говорит отцу Иосифу:

– Брат, ты знаешь, что я не могу взять инициативу на себя, и потому прошу тебя: возьми ее на себя ты, и я обещаю, что буду у тебя в послушании до смерти.

В этом случае на деле проявилось великое смирение, которым от юности отличался сей великий подвижник. Потому что важно не просто знать все, но и ведать свою меру и признавать дарования других.

Хотя отец Арсений не только по монашескому постригу, но и по возрасту был старше на десять лет, он сумел поправить демона тщеславия, предпочтя образцовое послушание тому, кто моложе его. И это несмотря на то, что, согласно правилам Святой Горы, старший из братии келии по праву занимает место старца.

И отец Арсений в действительности не ошибся, ибо, как показало время, отец Иосиф был человеком со многими и великими дарованиями, которые он употребил не только для своей пользы, но и для пользы своего сподвижника и последовавших за ним.

Тех, кто присоединился к их братству позже, старец Иосиф называл чадами и учениками, а отца Арсения всегда именовал своим братом и сподвижником. На общих же собраниях отец Арсений всегда вел себя с отцом Иосифом как со старцем.

С этого момента начинаются наиболее суровые подвиги двух великих подвижников.

С Даниилом-исихастом. Старец Кирилл

«Разыскивая преподобных и богоносных отцов, – говорит отец Арсений, – мы нашли в пещере святого Петра одного редкого подвижника – отца Даниила, священника, наделенного даром слез. От этого дара, как от некоего источника, возрастали и многие другие украшавшие его дары, и прежде всего рассуждение, прозорливость и предведение. Чтобы показать его прозорливость, я расскажу о том, что случилось с моим послушником, старцем Кириллом из Нового Скита.

В Новом Скиту есть одна калива, посвященная Живоносному Источнику. Там жил один благочестивый юноша, оставивший в миру брата-сироту. Волнуясь о нем, он решил сходить познакомиться с отцом Даниилом и получить его совет.

Отец Даниил не был с ним знаком, однако, прежде чем он открыл рот, назвал его по имени и сказал:

– Отец Кирилл, не беспокойся за Никоса. Все у него хорошо, и он готовится сам приехать к тебе.

И действительно, в скором времени приезжает Никос к своему брату».

«Но, – говорит отец Арсений, – раз мы упомянули отца Кирилла, то я скажу два слова и о нем, он стоит этого, и потом снова продолжу свой рассказ об отце Данииле.

Никос, прижившись у брата, стал монахом, а позже и священником, известным всем как отец Неофит. Но старец их почил, оставив обоих рясофорными. Когда мы со Старцем и нашими братьями спустились из пещер Малого скита святой Анны в Новый Скит, тогда присоединились к нам и эти два родных брата.

После смерти нашего Старца они открывали мне свои помыслы. Я решил постричь и постриг в великую схиму отца Кирилла. Тот же, в свою очередь, как старец келии стал восприемником в постриге у отца Неофита.

Несмотря на то что они внешне не отличались от других отцов, оба были тайными делателями добродетели, а наипаче Кирилл, под конец своей жизни сподобившийся великого дара прозрения и предвидения. Некоторым он объявлял их неисповеданные грехи, разрешал недоумения и казавшиеся неразрешимыми проблемы многих людей. Я расскажу здесь два конкретных случая.

Старцу одной келии он сказал:

– У всех твоих монахов все в порядке, кроме одного – Х.

Старец тогда ответил:

– Отец Кирилл, ты ошибаешься, Х. нет у нас в братстве.

А отец Кирилл:

– Есть.

Старец ушел от него в недоумении. Прошло немного времени, и одного их брата, казавшегося хорошим, искуситель убедил скрывать помыслы до такой степени, что сумел извергнуть его в мир. Сбросив с него рясу, он подтолкнул его кричать по дороге: “Х. зовут меня!”. Таким было его имя в миру.

Но наиболее удивительно то, что на много лет вперед отец Кирилл предвидел будущее наших маленьких монашеских братств. Вот в точности его слова:

– Из этих калив,– показывал он на наши каливы,– выйдет много игуменов».

«И действительно, несмотря на то что это казалось невероятным,– говорит отец Арсений,– из этих маленьких калив вышло ни много ни мало – пять игуменов».

И отец Арсений продолжает свой рассказ о великом старце – исихасте Данииле:

«Итак, у этого старца, отца Даниила, был обычай совершать бдение и каждую ночь, ровно в двенадцать, служить литургию. На литургии ему помогал, пел его послушник – отец Антоний, который все делал сам. Этот обычай отца Даниила многие понимали неправильно и считали его прельщенным. Однако речь о том, что каждый раз при служении литургии он проливал реки слез и литургия затягивалась на два–три часа.

Закончив литургию, он закрывался тотчас в своей келии для продолжения молитвы и там часами проливал слезы. К счастью, для нас со Старцем он делал исключение и принимал нас. Он знал, что по окончании Божественной литургии мы ждали благого слова из его освященных уст, и первым его словом, которое он любил говорить, было следующее:

– Святая Синклитикия говорит: “Светильник светит, но обжигает фитиль”.

Он говорил, но очень боялся, как бы в беседах не потерять того состояния, в котором находился. Он говорил немного и, чтобы не терять времени, сам “прочитывал” наши помыслы, тотчас постигал, чем мы озадачены, и, дав нужные советы, отпускал нас с миром.

Пища его была всегда одна и та же. Круглый год он ел однажды в день вареную фасоль. Мешок фасоли ежегодно присылал ему кириархальный монастырь. Сей же святой старец, все возлагавший на Бога, безропотно ел ее, говоря:

– Что послал нам Бог, то мы и едим.

Но старец Иосиф не выдержал этого, потому что у безмолвника постоянная пища, состоящая из фасоли, образует газы и нежелательные действия в организме. Поэтому он, не спросив о том старца, отказался от помощи Лавры. С тех пор монастырь больше не присылал фасоль.

От этого великого подвижника и от старца Кирилла мы переняли порядок всенощного бдения и ежедневного питания.

На протяжении всего года мы ели один раз в день; пять дней без масла, а в субботу и воскресенье в свою скудную пищу мы добавляли несколько капель масла, но и тогда ели один раз. Однако самой обычной нашей пищей были сухари. Бывал и свежий хлеб, но редко. Старец Даниил определил нам и меру. Он взял столько сухарей, сколько помещалось в ладони, и сказал:

– Ешьте вот столько.

Если находили какую-нибудь дикую траву или что попадалось под руку, то добавляли это к сухарям. Если в субботу или воскресенье обреталась и какая-нибудь сардина или немного сыра, то ели и это».

Это свидетельство подтверждает и Великий Старец в своем 37-м письме:

«Чин наш был таков, чтобы вкушать один раз в день немного: умеренно хлеб и пищу. И будь то Пасха или масленица – еда у нас была одна. Один раз. И в течение всего года – всенощное бдение. Чин этот мы восприняли с отцом Арсением от одного трезвенного и

святого старца, отца Даниила».

На сем мы заканчиваем эту главу о великом исихасте отце Данииле, сохраняя добрую надежду на то, что если кто-либо знает о нем больше, нежели мы, узнавшие о нем от старца Арсения, то предаст это огласке.

Сухари – обычная пища подвижников

Однажды мы спросили старца Арсения о том, где они находили сухари, потому что, как мы поняли, это было их основным питанием.

«В наше время,– сказал он нам,– в монастырских трапезах собирали остатки хлеба, сушили их и раздавали подвижникам. Плохими они были или хорошими, мы брали то, что нам давали. Иногда они бывали и с червями.

Однажды я пошел в один монастырь за сухарями. Служащий брат дал мне целый мешок.

– Это много,– говорю ему.

– Нет, бери!

Попробуй-ка, взвалив на себя полный мешок и еще торбу с различными вещами, подняться из Монастыря на вершину скита святого Василия! Наконец, я добрался. Открываем мы со Старцем мешок и что же видим? Все червивое! Я, как человек, возроптал.

– Ах, этот благословенный! Разве нельзя было дать это мулам? Нужно ли было столько трудиться напрасно?

Тогда Старец говорит мне:

– Почему напрасно, отец Арсений?

– Что же мы будем с этим делать?

– Что будем делать? Съедем! Это нам послал Бог. Если бы мы заслуживали лучшего, то Он послал бы нам лучшее.

– А с червячками как же быть, Геронда?

Старец задумался на некоторое время, а потом ответил:

– Я нашел выход. Впредь мы будем есть, когда стемнеет, и не будем видеть червячков!».

И старец Арсений завершает свой рассказ: «Так и было до тех пор, пока мы не съели все».

– Геронда,– спрашивали мы,– и ничего не случилось с вашим здоровьем?

– Чада, вначале, говорю вам по правде, было трудно, но что делать? Потом же, поверьте мне, Бог сделал это таким вкусным, что мы ели как какое-то сладкое блюдо.

Это явилось плодом полного послушания отца Арсения.

«В другой раз,– рассказывает он снова,– Старец, чтобы испытать меня, как только стемнело, говорит мне:

– Давай, отец Арсений, перекусим сухариками. Читай молитву.

– Отче наш...

Я заканчиваю и готовлюсь сесть за трапезу, как вдруг слышу от Старца:

– Предположим, отец Арсений, что мы поели. Читай благодарственную молитву.

Хотя я и был голоден, но встал и ради послушания прочитал благодарственную молитву. Все бы ничего, но то же самое повторилось и в третий, и в четвертый раз. На четвертый день мои силы истощились. Да и работа в тот день была тяжелой, а ночью – бдение еще тяжелее. Тогда я говорю Старцу:

– Благослови, Геронда, больше я не выдержу, что делать?

– Э, тогда сегодня мы поедим,– отвечает он».

В такие и еще более суровые подвиги сильный духом отец Иосиф с помощью

послушания увлекал за собой этого доброго старчика. И так было не один и не два дня, а на протяжении почти тридцати первых лет.

В изголовье отца Арсения в то время, когда мы познакомились с ним, всегда висела фотография его Старца и сподвижника. Когда кто-либо спрашивал его: «А это кто, старче?»,- его обычным ответом, в котором проявлялась вся его простота, было следующее: «С тем, кого ты видишь, мы сорок лет ходили босыми».

И действительно: и летом, и зимой, и в снег они всегда ходили босыми.

Предание о нагих подвижниках и двое босых

«Как-то ночью,- рассказывает он,- из Святой Анны мы босые пошли по снегу к своей каливе. Как только отцы скита увидели следы, тотчас ударили в колокола кириакона. Поскольку не было никакого праздника, скитяне прибежали в храм узнать, что случилось и почему звонили в колокола.

Тогда какой-то монах говорит им:

– Наконец-то мы нашли нагих подвижников. Вот их следы. Пойдемте по их стопам, чтобы узнать, где они живут.

Они поднялись и пришли к нашей пещере. Повелительным тоном спрашивают нас:

– Где скрылись нагие подвижники?».

Отец Арсений со своей добродушной простотой отвечает им:

– Какие нагие подвижники?

– Вот они дошли до этого места, вот следы их ног!

– Эх, отцы, это мы прошли. Здесь нет никаких нагих.

– Да это не вы! Здесь есть нагие подвижники!

И действительно, это было совершенно невероятно, потому что, как известно, ноги на холодном снегу неизбежно будут обморожены. Но двое подвижников, один верой в Бога, а другой послушанием Старцу, жили превыше законов естества.

В другой раз они снова, неся на себе груз, поднимались по заснеженной тропе к своей каливе. В какой-то момент оба начали выбиваться из сил. Тогда Старец говорит:

– Отец Арсений! Моторчик дает перебои. Давай передохнем, чтобы немного набраться сил.

Подвижники разбрасывают снег в стороны и начинают творить поклоны и теплую молитву. Смешав горячие слезы с застывшей водой, они почувствовали приток новых сил и с легкостью преодолели подъем.

«А в другой раз,- рассказывает отец Арсений,- исполнив свою волю, я получил епитимью. Куда-то мы должны были пойти, но Старец чувствовал себя не очень хорошо. Однако я подбодрил его, и мы пошли босиком по снегу, пока не остановились на полпути.

– Арсений,- говорит мне Старец,- мотор остановился. Что теперь делать?

Серьезно он сказал это или в шутку, я хватаю его и сажаю себе на плечи, пока мы не доходим до каливы. С тех пор я научился более не исполнять своей воли.

Когда мы куда-нибудь шли, то у нас было заведено, чтобы один шел за другим на расстоянии пятнадцати-двадцати метров, дабы избежать празднословия и непрестанно творить молитву. Если случалось встретить кого-нибудь, мы приветствовали его поклоном, не вступая в разговор. Иногда попадались и любопытные. Они видели двух босых монахов, одетых в тряпье.

– Откуда вы? Куда идете? Не холодно босиком-то?

И так далее.

Старец – ни слова. Я же из чувства сожаления не мог не обменяться двумя-тремя словами.

Старец Иосиф (в центре)
и отец Арсений (второй слева)
с другими монахами в первые годы
своих подвигов

Но потом Старец останавливал меня и спрашивал шутливым тоном:

– Что случилось, отец Арсений? Ты поисповедовал человека? Достоин он стать священником?

Таким обходным путем исправлял меня Старец».

– Хорошо, геронда, но разве другие отцы не понимали ваших подвигов?

– Старец скрывался, насколько это было в его силах. И конечно, мы немного прикидывались юродивыми, поэтому многие считали нас прельщенными.

Как-то раз мы отправились на один престольный праздник. После литургии весь народ пошел в трапезную. Последовали за ним и мы. Трапезник, едва заведя, что мы босые и в лохмотьях, тут же поднял крик и выдворил нас. Мы ушли, не проронив ни слова. Тогда нас догнал какой-то незнакомец, привел в комнату, и мы поели от всего, что было на трапезе.

«Послушание лучше жертвы»

Как я писал вначале, эти два атлета были как одно тело и как бы дополняли один другого. В телесных трудах наиболее преуспевал, конечно, отец Арсений.

После многочасового ночного бдения Великий Старец занимался рукоделием, изготавливая простые маленькие крестики, а отец Арсений по большей части следил за внешними работами по дому, за фундаментом, за всем. Также он нередко спускался к пристани, чтобы забрать шестьдесят–семьдесят килограммов груза не столько для себя, сколько для других престарелых монахов. Это тоже входило в его обязанности.

Что же касается бдения, то на протяжении многих лет он и не помышлял о том, чтобы посидеть во время бдения или сделать меньше трех тысяч поклонов. Также на протяжении многих лет подвижники не ложились в кровать, как пишет в своих письмах отец Иосиф.

«Но в конце,– говорит отец Арсений,– эту нашу крайность исправили монахини. Старец выезжал с Афона для духовной поддержки монастырей. В одном женском монастыре сестры убедились, что какой они застилали кровать с вечера, такой и находили ее утром. Дошло это до игумении. Подзывает она Старца и говорит ему:

– Умеешь ли ты слушаться?

– Умею.

– Так вот, с сегодняшнего дня, когда отдыхаешь, будешь ложиться в постель.

Старец оказался в затруднительном положении, но – сотворил послушание. Впервые он лег в постель и, когда проснулся, почувствовал такой прилив сил, такую ясность ума, что уразумел слова Писания: *Послушание лучше жертвы*. Бдение прошло так хорошо, что, вернувшись, он сказал мне:

– Отец Арсений, с сегодняшнего дня мы будем отдыхать на своих деревянных ложах.

И я без прекословия ответил:

Буди благословенно».

Доброе расположение и благословение Старца

«Многие перебивали у нас, но мало осталось. Сурова была наша жизнь. Но, несмотря на это, они брали у Старца некоторые уроки и шли туда, где могли жить. “Лучше жить в послушании, которое безопасно, и иметь смиренный помысл”».

– Геронда, после столь трудного бдения как мог ты подниматься в такую крутую гору?

– У меня от природы крепкое телосложение. Но вообще, когда послушник имеет веру в благословение старца, то может свернуть горы. Часто, взяв груз, превышавший мои силы, я падал на колени. Но, когда я крестился и призывал благословение Старца, груз начинал уменьшать свой вес, меня как будто кто-то подталкивал, и я взлетал птичкой, непрестанно творя молитву. Однажды Старец, уезжая в мир, говорит мне: «Отец Арсений, я вернусь дней через пятнадцать и привезу с собой много вещей. Когда услышишь гудок корабля, спускайся вниз».– «Буди благословенно».

Когда Старец уехал, я подумал: «Теперь, Арсений, когда ты один, не затянуть ли тебе покрепче пояс?». Совершая всенощное бдение, целую неделю я не брал ничего в рот, говоря: «Нескоро еще приедет Старец». Но гудок корабля я услышал на неделю раньше. Старец приехал. Я тотчас поспешил вниз и поднял около семидесяти килограммов, положил Старцу поклон и взлетел, подобно птичке.

– Геронда, там, наверху, где вы брали воду?

У нас была цистерна, куда по желобкам собиралась дождевая вода, которой только-только хватало на самое необходимое. А для ремонта наших келий я издалека носил воду на плечах. Однажды солнце жарило очень сильно. Старец пожалел меня и говорит Божией Матери: «Прошу Тебя, моя Богородице, дай немного воды, потому что отцу Арсению очень трудно». Тотчас он слышит от соседней скалы какой-то шум, обращает свой взор туда и что же видит? Скала покрылась каплями воды, и они капали с нее. Мы тут же подставили таз и собрали воду. Ее оказалось достаточно. С тех пор я освободился от обязанности носить воду.

Различные случаи из жизни двух подвижников

– Старче, ты сказал, что Старец выезжал в мир. Ты не ездил вместе с ним?

– У Старца был великий дар утверждать души. В отношении же меня это было бы все равно, что пустить козла в огород. Но однажды мы вместе покинули Афон ради моей сестры и отправились на Эгину, чтобы Старец познакомился с отцом Иеронимом. Однако, когда два старца беседовали друг с другом наедине, отец Иероним, как рассказала мне потом сестра (старица Евпраксия), был приведен в изумление тем, что услышал из освященных уст Старца. С тех пор он относился к нему с особенным благоговением. Еще один раз, когда я был нужен вне Афона, мы поехали в город Драма к моим родственникам, которые переехали из России, не выдержав притеснений со стороны коммунистов.

Как-то я был один в скиту святого Василия. Не знаю как – один человек из Пирея сбился с пути и оказался возле моей келии. Я принял его и предложил ему, если он желает, переночевать. «Нет-нет,– говорит он мне,– я уйду. Как ты можешь, отец, годами жить среди этих скал? Ты если и привяжешь меня, я порву веревку и убегу».– «А ты где живешь?».– «В Пирее».– «А меня,– отвечаю ему,– если привяжешь в Пирее, я порву веревку и приду сюда».

Действительно, отец Арсений со всей своей простотой дал мудрый и точный ответ; он продолжал:

– Ну, хорошо, да это ничего. Вот, другой спустил нас ночью из Святого Василия в Святую Анну, потому что более не выдержал по причине большого страха. Он пришел вечером, и Старец поместил его в свою келию, а сам совершал бдение в церкви. Вдруг мы слышим крики, вопли. Бежим к нему. Он кидается к нам, весь сжался и трясется. «Что происходит, благословенный?». Он бросается с плачем к нашим ногам: «Пришли демоны и жестоко избили меня. Они меня убьют. Отведите меня быстрее в Святую Анну, я больше не могу». Старец говорит ему: «Успокойся, чадо, пока не рассветет. Они тебя больше не тронут, они ошиблись. Каждую ночь они избивают меня, но ты претерпел это по ошибке». Но, что бы мы ему ни говорили, он все свое: «Хочу уйти». Что делать? Ночью, в темноте,

мы проводили его до Святой Анны.

– Что же, старче, действительно демоны вас били?

– В первые годы они много били нас обоих, но больше всего Старца, потому что его молитва их пожигала. Меня они били меньше и потому, что я не имел того духовного состояния, и потому, что был послушником.

Послушник, имеющий настоящее послушание и исповедующий свои помыслы, не дает им повода. Когда искуститель видит, что ты весь отдаешься послушанию, занимаешься и духовными упражнениями, тогда он старается добиться того, чтобы ты скрывал свои помыслы от старца.

Я расскажу тебе об одном случае, который произошел с нами. Если бы у Старца не было дара благодати, то сатана вырвал бы одного монаха из наших рук.

Там, в Святом Василии, с нами жил один влах, отец Яннис, очень благочестивый, но простой человек. В какой-то момент он прекратил исповедовать Старцу свои помыслы. Старец подзывает его: «Как дела, отец Яннис?».– «Хорошо, очень хорошо, Геронда».– «Нет у тебя никакого помысла для исповеди?».– «Нет-нет, все очень хорошо».

Между тем во время молитвы Старец чувствовал большое беспокойство за отца Янниса. Какой-то голос говорил ему, что дела у отца Янниса плохи. Вот Старец и говорит мне: «Позови быстренько отца Янниса». Я зову его. Тот приходит, и Старец говорит ему строго: «Я хочу, чтобы ты поисповедовал мне свои помыслы».– «Но, Геронда, у меня нет ничего...». Старец прерывает его: «Ты не уйдешь, пока не поисповедуешься».

Тогда он был вынужден промямлить следующее: «Благослови, Геронда, но у меня наказ от моего Ангела никому ничего не говорить. Вот, по твоим молитвам я удостоился в последнее время молиться вместе со своим Ангелом. Но раз ты вынудил меня, то это подходящий случай попросить у тебя прощения за то, в чем я, может быть, провинился. Потому что завтра ночью мы спустимся вместе к отцу Матфею, чтобы я причастился, а потом низойдет пророк Илия, чтобы на огненной колеснице взять мою душу».

Едва услышав это, Старец дал ему пощечину. Куда делись и колесницы, и восхождения! «Прельщенный,– говорит ему Старец,– ты в руках у сатаны, и он собирается сбросить тебя с какой-нибудь кручи, чтобы отправить в геенну, а ты говоришь такое!».– «Но, Геронда, разве это возможно?».– «Подожди и увидишь, возможно ли это!».

В ту же ночь в час посещения «ангела» он и является, но на этот раз не в образе Ангела, а в виде сущего дьявола, с рогами, и говорит свирепо: «Разве не говорил я тебе, дрянной монашек, не рассказывать Старцу о нашей тайне? Эх, и ловко же ты вывернулся! А я так все хорошо подстроил, чтобы низвергнуть тебя!».

Едва услышав это, отец Яннис ужаснулся, тотчас прибежал к Старцу, повалился ему в ноги и благодарил его. Видите, как опасно монаху скрывать свои помыслы?

Пример духовного рассуждения старца Арсения

«Другой монах, из инога братства, пришел в монашество с огромной ревностью. Он поступил в послушание к одному очень строгому старцу, жившему пониже нас, и вначале подвизался очень сурово: всю ночь бдение, стояние, поклоны, пост, послушание, чистая исповедь и тому подобное.

Но вот по прошествии двух–трех лет он охладел, дал власть искустителю и потихоньку начал поворачивать вспять. Затуманился его ум в молитве, во время которой он сидел, спал, просыпался, чувствуя в себе упадок сил, засыпал снова и, наконец, дошел до того, что совершенно не мог исполнять свое правило. Но это еще не все. Насел на него демон блуда и начал с ним жестокую войну.

Одновременно с этим он приносил ему отчаяние и шептал на ухо, что за такие злые дела он точно попадет в ад. Однако самое страшное заключалось в том, что враг внушил

ему такой стыд, что он, побежденный этим стыдом, не мог даже исповедоваться; враг говорил ему: “Окаянный, ты, совершивший столько бдений со столькими поклонами, проливший столько слез, подъявший такой подвиг, что скажешь теперь старцу? Если он услышит о твоих безобразиях, а прежде всего о блудной брани, обязательно выгонит тебя. Не уйти ли тебе самому?” – “Но даже теперь, – помышлял монах, – я должен найти какой-нибудь предлог. Как быть?”.

Но, видно, Бог пожалел его и внушил ему мысль: “Не пойти ли мне для откровения помыслов к отцу Арсению?”.

Приходит монах с опущенной от стыда головой и после долгих усилий выдавливает из себя все, а прежде всего – о блудной брани. Он, будучи неопытным, думал, что если поисповедуется, то я буду его ругать. Я же, зная из своего опыта об уловках дьявола, заключаю его в свои объятия и говорю ему:

– Молодец, чадо мое. Теперь я понял, что ты подвижник и что любит тебя Христос.

– Это меня-то, геронда?

– Да, тебя, и чтобы доказать тебе это, вот что: скажи мне искренне: когда ты пребывал в суровых подвигах и у тебя не было браней, какую мысль имел ты о себе?

– Тогда, геронда, я был маленьким святым, а теперь – хуже всех.

– То-то и оно! Теперь ты говоришь верно. Все наши подвиги и труды своим завершением должны иметь смиренномудрие. Никогда ты не был святым, но тебя покрывала благодать Божия, а ты думал, что это твоя собственная заслуга. Поэтому благодать тебя оставила, чтобы ты понял, кто ты есть на самом деле. Но с исповедью снова придет благодать. Только впредь не стыдись исповедоваться своему старцу и крепко держи следующий помысл: “Я – ничто. Все доброе, что есть у меня, – от Бога, по молитвам моего старца. Если Он оставит меня, я тут же паду”.

С тех пор монах этот исповедуется у своего старца и доньне подвизается с большой ревностью».

Благодаря этим примерам можно сделать вывод, что старец Арсений в увенчание своих подвигов сам достиг меры смиренномудрия и Духом Святым был научен тем же самым словам, которые Христос сказал его современнику – русскому подвижнику Силуану: «Держи ум твой во аде и не отчаивайся».

Немного о преподобном Силуане Афонском

Раз мы вспомнили об этом великом его современнике – русском подвижнике, то расскажу о том, как однажды я спросил отца Арсения:

– Геронда, может быть, вы знали и святого Силуана?

– Мы многое слышали об этом великом подвижнике, и Старец спросил меня, желаю ли я, чтобы мы пошли и познакомимся с ним, но я предпочел сказать «нет».

– Но почему же, геронда?

– Я знал русский язык, а Старец – нет. Меня не устраивало, чтобы я говорил, а Старец молчал. Но он был хорошо знаком со старцем Софронием. Тот сам нашел нас и приходил регулярно, потому что питал особенное уважение к Старцу.

Отказ от предложения Старца в данном случае является не преслушанием, а, напротив, свидетельством его великого смиренномудрия и рассуждения. Как послушника его не устраивало, чтобы он говорил, а Старец молчал. Многим из нас следовало бы обратить на это внимание и использовать как пример для себя.

О бдении

Услышав рассказ о молодом подвижнике, один брат сказал старцу Арсению:

– Геронда, и я вначале всю ночь совершал бдение стоя, по четкам совершал вдвое больше молитв, умиление и слезы не иссякали никогда. Я совершенно не знал брани, послушание и работу выполнял с готовностью. Но сейчас у меня нет такого понуждения себя, и я не выдерживаю даже стояния на молитве всю ночь. А хуже всего то, что, как только я сяду, тотчас приходят нерадение и сон.

– Сколько часов ты спишь?

– Четыре–пять.

– Чадо мое, не смотри на то, что совершали мы. Прежде у людей было иное сложение. Это ветхое тело требует своей дани. Ты целый день выполняешь тяжелую работу и мало спишь. Отныне будешь спать шесть – шесть с половиной часов: около четырех – четырех с половиной часов ночью и два часа утром.

Брат говорит со своей юношеской ревностью:

– Но, геронда, разве можно ослаблять подвиг?

И старец, шутя, отвечает:

– Ну тогда не спи больше этого – не спи во время молитвы!

Этот брат подтвердил мне, что с помощью такого рассудительного совета старца он установил для себя правильный чин бдения.

Другой брат спросил:

– Геронда, ночью я бодрствую, но ноги меня не держат, поэтому большую часть времени я сижу, но иногда меня борют нерадение и сон.

– Ночной сторож, если устанет стоять, садится. Если иногда и заснет немного сидя, он неподсуден. Но если его вдруг застанут лежащим на кровати, то выгоняют с работы. То же самое и у нас. Если в подвиге сон и расхитит нас немного, не такое это и большое горе. Но если искусителю удастся уложить нас в кровать, тогда он пожирает нас, как капусту.

– Старче, а когда нас борет дремота, что делать?

– А! Существует много лекарств. Если ты молишься стоя и утомился, не садись, а встань на колени. Если и на коленях дремлешь, встань. Походи немного, произнося молитву вслух, с болью, из глубины души, насколько это возможно. Разве не говорит Давид: *Из глубины возвах к Тебе?* Есть еще одно лекарство: побрызгай немного воды на лицо. Исаак Сирийский говорит: «Желающий спастись изобретает для этого различные способы».

Если не поможет и это, тогда есть еще одно – высшее лекарство. Старец называл это лекарством от всякой страсти: «Сорви ветвь и, когда нападают дремота или помыслы, сильно ударь два–три раза по бедрам, и посмотрим, проснешься ты или нет!».

От нашего Старца есть у нас обычай перед бдением выпивать чашку бодрящего кофе, помогающего в бдении. Но, если с самого начала у нас теплая молитва, созерцание, умиление, тогда ничего этого не нужно и сначала мы должны исполнить свое правило. Позже, когда «моторчик» ослабеет и потребует заправки, мы заводим его вновь с помощью различных искусственных средств: привычных поклонов и крестных знамений, к которым нас обязывает наше ежедневное правило, – каждому столько, сколько рассудит старец.

Но все эти лекарства лишь для того, чтобы завести мотор, доколе не приклоним милосердие Христово согреть наше сердце. Если Он даст нам и немного слез, тогда очи разгорятся.

О, эти слезы! Пока молоды, подвизайтесь стяжать любовь ко Христу и Божией Матери, вкусить этих слез любви. Стяжал ты слезы? Бдение становится праздником!

Кроме того, старец Арсений придавал значение и другим факторам, например погодным условиям.

– Самое лучшее время года для молитвы – осень и весна, когда стоит ясная погода.

Если в эти времена года у нас проблемы с молитвой, тогда точно у нас проблемы в другом: искуситель имеет власть, и необходимо исследование себя, исповедь и хранение чувств.

Посему, насколько возможно, храните себя от преслушания, осуждения, от гордости, зависти, многоядения и всего того, что открывает дверь искушению, а также и от охлаждения. Настал твой час и ты проснулся? Не рассеивайся, не зевай, не вставай вяло. Монашество требует от нас бодрости, потому что от этого зависит, будем мы жить или умрем. Проснулся? Встань, перекрестись и сразу: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя».

Также он подчеркивал, что условием преуспевания в молитве является вера в старца и чистая исповедь помыслов.

Еще одним очень важным знаком нашего духовного преуспевания служит особенная благодать по воскресеньям и великим праздникам. Когда человек в эти дни не чувствует двойную благодать, это означает, что что-то у него не в порядке.

Распорядок

Одним из важнейших условий монашеской жизни является распорядок.

Отец Арсений говорил, как научился от своего святого Старца, что у истинного монаха нет распорядка, но в то же время и без распорядка он не считает преуспевание возможным. И он объяснял, что послушник никогда не имеет права преслушать старца, оправдывая свой отказ выполнить послушание тем, что оно, дескать, нарушит его распорядок. Но, когда послушание не вынуждает к нарушению распорядка, тогда он должен строго его (распорядок) соблюдать. Настал час выйти на послушание? Не медли ни минуты. Но работай столько, сколько обязывает распорядок. Если говоришь: «Ладно, еще немного и еще чуть-чуть», то отбираешь время у вечерни. Приходит время сна, а ты идешь на вечерню. Случаются вещи и похуже. Некоторые во время, предназначенное для сна, сидят и празднословят. Спать ложатся поздно, встают еще позже. В результате – бессонница, различные неустройства и лень к исполнению правила.

«Однажды, – рассказывал он нам, – когда мы были в пещерах Малой Анны, братия пришли издалека, принесли много вещей и рыбу. Наступало время отдыха. Они говорят:

– Геронда, мы принесли рыбу. Ее надо приготовить, иначе она протухнет.

Старец, не вступая в прения, отвечает:

– Лучше испортиться рыбе, чем нашему распорядку. Оставьте ее как есть и сразу идите спать.

На следующий день он говорит нам:

– Я специально сделал так, чтобы она протухла, дабы этот пример запомнился вам на всю жизнь.

И разве был Старец расточительным? В скиту святого Василия мы часто ели прокисшую еду, чтобы не выбрасывать ее. Однажды в Новом Скиту, когда братия не могли есть скисшую фасоль, чтобы не выбрасывать ее, он сотворил теплую молитву со слезами. На следующий день он дал нам эту фасоль, и мы ее съели. Но она стала сладкой, как сахар!».

– Геронда, что делать, когда в час отдыха не можешь заснуть?

Святые отцы говорят: «Сиди в своей келии, и келия всему тебя научит».

Чтение

Обязательным отец Арсений считал и чтение. Он говорил: «Чтение тоже является одним из видов молитвы. Мы каждый день читали одну–две главы Священного Писания и после этого – книги святых отцов. Что же касается Исаака Сирина, то он всегда был у нас под мышкой. Не надо тебе другой книги. Достаточно Исаака Сирина, он говорит обо всем. Но, кроме него, мы читали и Лествицу, и авву Дорофея, и Эвергетинос, и святого Макария

и многих других, а также и жития святых. Читая жития святых, мы получаем двойную пользу. Первая польза состоит в том, что пример их подвигов пробуждает нас от сна нерадения. Вторая же – в том, что, когда мы читаем жития святых с благоговением, святые эти молятся за нас Христу.

Но всегда, прежде чем начать чтение, нужно помолиться. После молитвы чтение жития святого приводит нас в такое умиление, что мы уже не в состоянии остановить слезы. Так бывает потому, что молитва просвещает ум».

– Геронда, что из Священного Писания читать больше всего?

Все Священное Писание богодухновенно, и мы должны читать его всё. Из Ветхого Завета особенное внимание нужно уделять Псалтири. Это очень сильная молитва.

Слово старца Арсения – плод опыта

Живя рядом со старцем, мы убедились в том, что те простые вещи, которым он обучал нас, являлись не просто рассудочными словами, а тем, что он исполнял сам и чем жил. Почему от своего преизбытка легко передавал это и нам.

Когда отец П. первый раз послушником пришел в Буразери, помыслы напали на него с такой силой, что во время бдения он не мог произносить молитву. Он бежит к старцу Арсению и просит помощи. Старец же говорит ему:

– Не скорби. Помолюсь я, и сегодня ночью помыслов у тебя не будет.

И действительно, как уверял брат, в ту ночь ни один помысл не приближался к нему, так что он удивлялся такой силе молитвы старца. Когда ударили к ежедневной Божественной литургии, послушник прибежал поблагодарить старца.

Тот ответил ему просто:

– Это потому, что сегодня ночью ты все помыслы отослал ко мне!

Другой брат как-то по недоразумению оказался в одном непредвиденном искушении, и на две ночи его заперли в полицейском отделении. Находясь в такой великой нужде, он от всей души призвал молитвы старца. «Тогда, – рассказывает он, – в моей душе тотчас зажглось пламя такой силы, что на протяжении двух суток я не ел, не пил, не присел, не задремал, но мои ноги, подобно двум бревнам, держали меня прямо, и я молился непрестанно».

Это, как уверяет брат, было великим даром от старца. Да, своим чадам он отчасти показал то, чем обладал, еще находясь в этой жизни...

Но, несмотря на это, сравнивая себя с Великим Старцем, он по смиренномудрию видел себя очень далеким от него.

Беседы старца Арсения с благочестивыми паломниками

Кроме узкого круга послушников, старца посещало много монахов и мирян, жаждавших высшей духовной жизни и просивших его молитв.

При беседе с мирянами у него был один благословенный обычай. Он говорил им:

– Дайте-ка я посмотрю на ваши руки.

– Зачем же, геронда?

– Хочу посмотреть, носите ли вы кольцо. Если вы носите кольца, то мы будем говорить на одни духовные темы, если холосты – на другие.

Когда посетители интересовались умной молитвой, он спрашивал их:

– Есть ли у вас духовник? Исповедуетесь ли вы? Ходите ли вы в храм, молитесь ли дома? Поститесь ли вы в среду и пятницу? Регулярно ли причащаетесь?

Если посетители были людьми семейными, он добавлял:

– Соблюдаете ли вы воздержание со своей женой в посты, воскресные дни, праздники? Столько ли у вас детей, сколько дает вам Бог? Имеете ли любовь к врагам и

друзьям? Если вы поступаете так, тогда мы побеседуем об умной молитве. Если нет, то и умной молитвы нет. И времени не будем терять.

Один благочестивый студент-богослов, часто посещавший Буразери, задал отцу Арсению следующий вопрос:

– Геронда, как возможно, согласно завещанию апостола Павла, творить молитву непрестанно?

Старец оказался в действительно трудном положении. Сам он переживал в себе это таинство. Но как объяснить это на словах, чтобы собеседник, еще не посвященный в этот язык, понял тебя? Чтобы выйти из тупика, он вынужден был на мгновение приоткрыть свой внутренний мир, сказав:

– Вот, чадо мое, как тебе объяснить? Сейчас с тобой разговаривает мой язык, но в сердце моторчик работает непрестанно.

Студент изумился ответу, помышляя о том, «какой, стало быть, пламень окружает этого простенького старца, что одновременно с беседой он сохраняет внутри себя непрестанную молитву!».

Студент спросил снова:

– Геронда, я знаю, что вы очень строго поститесь. Как вы это выдерживаете?

И старец сказал простые, но мудрые слова – плод просвещения:

– Ну, вот если у тебя дома мертвец, захочешь ли ты есть и пить?

Поразмыслив, впоследствии вопрошавший объяснил мне, что старец непрестанно имеет в себе настолько напряженную память спасительных страстей, что пламя боли и любви одновременно с памятью смертной ослабляют и само естественное и неукорное чувство голода.

Упомянутый юноша, закончив учебу, поселился на Святой Горе, где и был пострижен в монахи. Сегодня он игумен в монастыре Ватопед.

Другой студент регулярно приезжал в Буразери, чтобы получить совет и благословение старца. Однажды, зайдя к старцу и получив благословение, он при выходе от него заметил, что старец что-то шепнул брату, находившемуся рядом. Из любопытства он спросил его потом:

– Что сказал тебе на ушко старец?

– Он сказал: «Этот будет монахом в Григориате».

Юношу как будто окатили холодной водой. Действительно, его намерение было таково, но по причинам личного характера он держал это в совершеннейшей тайне. Сегодня он иеромонах и играет заметную роль в братстве монастыря Григориат.

Во время другой беседы старца с небольшой группой мирян один благочестивый юноша сказал ему:

– Геронда, помолись, пожалуйста, и за меня.

– Как тебя звать?

– Андреем.

– Я буду молиться за Андрея, но, чтобы моя молитва принесла результат, нужно, чтобы и Андрей был в этом заинтересован и сам молился за себя. Святой Антоний говорит: «Ни я тебя не помилую, ни Бог тебя не помилует, если прежде ты не помилуешь самого себя».

– Как это понять, геронда?

– Да разве ты этого не понял? Ну ладно. Тогда я расскажу тебе о том, что здесь случилось в наши дни. Один паломник ходил по пустыне, разыскивая святых, вот как ты теперь, чтобы они помолились за него. Нашел он одного подвижника и говорит ему:

«Умоляю тебя, геронда, помолись за меня. У меня серьезные трудности». Подвижнику стало его жалко, и еженощно во время бдения он предавался молитве за этого мирянина.

Однажды ночью во время молитвы он видит возле своей келии сатану, смеющегося над ним. Монах говорит ему: «Почему, проклятый, ты нарушаешь мое безмолвие?». И сатана отвечает: «Ха, ха, ха! Я смеюсь, потому что ты напрасно совершаешь бдение за моего человека (Янниса.— *Авт.*). И он тоже совершает бдение, но в моих обителях (то есть в развратных заведениях.— *Авт.*). Только что он закончил свое бдение и теперь храпит!».

Теперь ты понял, что я хочу сказать?

— Да, геронда, теперь я понял, что и мы должны жить по-христиански и прилагать к этому все возможные усилия.

Другой юноша спросил:

— Геронда, как быть? Когда я иду по нужде, меня борет демон нечистоты.

— Борись и ты с ним, произнося молитву быстро и непрестанно.

— Но, геронда, разве можно молиться в туалете?

— В нужном-то месте? (Так по-понтийски он очень точно называл туалет.— *Авт.*) Кто сказал тебе, что нельзя? Разве не говорит апостол: **Непрестанно молитесь?** Воюешь ты? Воюю и я. Ты вкладываешь мне помыслы? Я изгоняю их молитвой.

Разве ты не знаешь о юноше, который многой молитвой посрамил сатану? Однажды искуситель пришел в ярость от его усердной молитвы. Когда юноша пошел по нужде, он нашел повод, явился ему и говорит: «И не стыдно тебе молиться в нужном месте?». А юноша тут же ответил: «Да, я и в нужном месте буду творить молитву непрестанно, чтобы извергнуть нужное из своей души!».

Сатана не выдержал, посрамился и превратился в дым.

Затворник Иосиф причащается из рук Ангела. Суровые подвиги. Яблоки Божией Матери

Старец рассказывал об отце Иосифе, что одним из многих подвигов, которые он совершал, был затвор в пещере на долгое время, когда он совсем не выходил наружу. «Я,— говорил старец Арсений,— поскольку не был в такой мере, обеспечивал его всем необходимым».

В один великий праздник Старец ощутил в себе такое великое желание причаститься Божественных Таин, что земля у его ног от слез стала грязью, когда он оплакивал себя как недостойного Тела и Крови нашего Спасителя.

Когда отец Иосиф находился в таком великом сокрушении, в темной пещере внезапно засиял небесный свет. Поднимает он взгляд и что же видит? Небесный Ангел, держа в руках на лжице Владычние Тело и Кровь, говорит тихо: «Тело и Кровь Христовы. Причащается раб Божий монах Иосиф». Он причастил его и стал невидим.

Но что же, может быть, отец Арсений отставал в своем подвижническом мудровании? «Слыша,— говорит он,— что многие святые носили на теле власяницу, испробовал и я этот подвиг, но, что вам сказать, не выдержал. Все тело мое покрылось ранами, она колола меня, как гвозди. Я терпел ее около года и потом снял».

Можно спросить себя: «Кто из нас выдержит, чтобы эти толстые волосы кололи нас, словно иглы?».

Эти два великих аскета во время суровых подвигов своей молодости никогда не затапливали печи, чтобы согреться в зимнюю стужу под вершиной Афона. К тому же очень часто они ходили заснеженной тропой, чтобы подняться в свою любимую церковку Божией Матери, где ночи проводили в молитве.

«Один раз зимой,— рассказывает старец,— когда мы поднимались по заснеженной

тропе и приближались к церкви Божией Матери,— то ли по дьявольскому действию, то ли как испытание для нас от Богородицы — нас окутал такой густой туман, что и на шаг вперед мы не видели ничего. Старец говорит мне:

— Отец Арсений, здесь, наверху, места опасные. Мы можем свалиться в какую-нибудь пропасть. Не все ли равно, лучше уж переночевать здесь.

Что вам сказать? Мы совершили такое прекрасное бдение, которого мне не забыть! Утром, только рассвело, что же мы видим? Мы находились рядом с церковью. И это было подарком от Божией Матери.

Да, а вот в другой раз, когда вечером мы поднялись туда уставшие и изможденные, как позаботилась о нас наша Добрая Матерь! Войдя в храм, мы почувствовали благоухание двух свежих яблок, прикрепленных к Ее иконе. Старец был посмелее, говорит мне:

— Отец Арсений, эти яблоки мы съедим и протянем четку за того, кто принес их в дар. Он оставил их для нас, потому что мы в нужде.

Они были настолько сладкими, что мы говорили, что они похожи на райские яблоки. Как только мы их съели, открылся наш ум и мы посмотрели друг на друга.

— Какой нынче месяц, отец Арсений?

А был где-то конец февраля.

— Откуда в это время года взялись такие свежие яблоки?

Мы тотчас пали ниц перед иконой и со слезами благодарили Божию Матерь за этот небесный дар, в котором проявилась Ее нежная материнская любовь. В те времена не существовало даже холодильников, поэтому нет никаких сомнений в том, что это было небесным даром Богородицы».

Отец Герасим (Менаяс)

Мы спрашивали старца Арсения, жили ли с ними другие монахи.

«Многие перебивали у нас, получали пользу от Старца, но не могли выдержать нашей жизни.

Однажды пришел к нам один очень образованный монах. Звали его Менаяс (это известный ученый монах Герасим [Менаяс]). Он находился в очень затруднительном положении, поэтому попросился пожить немного с нами. Старец сказал, что если он будет слушаться, то пускай живет сколько хочет.

Человек этот таскал за собой маленький чемодан. Старец говорит ему:

— Что там внутри?

— Лекарства, Геронда. Поэтому я и пришел к вам: может быть, вы меня вылечите.

— Я вылечу тебя, но с одним условием: если содержимое этого чемодана ты высыпешь с кручи и будешь есть один раз в день то, что едим и мы.

— Но, Геронда, если я выброшу лекарства, то умру. Только за счет них я и держусь. Да и в пище я по причине болезни должен соблюдать диету, есть помалу и часто.

— Очень хорошо, как тебе лучше.

Вечером он говорит ему:

— Ну ладно, чадо, утром ступай с Богом куда-нибудь в другое место.

— Но, Геронда, я пришел к тебе, чтобы ты меня исцелил.

Старец снова:

— Я сказал тебе: для того чтобы ты остался здесь, я хочу от тебя две вещи: чтобы ты выбросил лекарства и ел один раз в день.

— Но, Геронда, так не пойдет.

— Уходи.

— Не могу.

Он и не уходил, и не слушался, пока не сжалился над ним Бог и он не услышал в себе громкий голос: “Почему не слушаешься ты Старца?”.

Тогда он наконец выбросил лекарства и стал есть вместе с нами. На следующий день утром он приходит радостный к Старцу и говорит:

– У меня нет слов, чтобы отблагодарить тебя. Все болезни ушли, и я чувствую себя как ребенок.

У него было семь серьезных заболеваний. Но что же происходит потом? В один день он приходит и говорит:

– Геронда, одна из семи болезней возвратилась назад.

– Я хочу, чтобы ты поисповедовал свои помыслы.

– Вот, Геронда, вчера пришел один помысл неверия и говорит мне: “Он заставил тебя, и ты выбросил лекарства. Если, как человек, ты заболеешь снова, где здесь, в пустыне, ты найдешь такие лекарства?”.

– Вот в этом и дело, – отвечает Старец, – поэтому болезнь и вернулась.

– Вылечи меня, Геронда, и я обещаю, что впредь буду внимателен.

Хватит с тебя, что ты вылечился от шести болезней. Эта у тебя останется, чтобы ты был внимателен и дабы у тебя был и маленький крест».

Ефрем «тучный»

«После отца Янниса-влаха (о котором мы упоминали ранее) жил с нами другой благочестивый юноша, которого мы постригли с именем Ефрем. И поскольку он был немного полноват, мы звали его “Ефрем тучный”. Он был очень хорошим: подвижник и послушливый. Конечно, он немного облегчал мою жизнь, потому что был сильного телосложения. Но, спускаясь на пристань за различными вещами, он слышал сплетни о том, что некоторые послушники получают разрешение и выезжают в мир на несколько дней. Его подзадорили. Он приходит к Старцу и просит отпуск на одну неделю.

В молитве Старец получил явственное уведомление: “Не посылай отца Ефрема в мир, потому что он не вернется”. Но Ефрем настаивал на своем:

– Все уезжают и приезжают. И только мне нельзя?

Старец говорит ему:

– Я сказал раз и другой, и ответственности не несу.

– Нет, Геронда, я вернусь.

Он уехал и не вернулся до сих пор. Доехал до Америки. В конце своей жизни, когда Старец уже вознесся на небо, он как паломник посетил нас в Буразери и проливал перед нами горькие слезы, оплакивая себя как ослушника. Он говорил: “Даже в Америке я часто видел своего Старца. Он обнимал меня и говорил ласково:

– Приезжай, чадо мое, я жду тебя.

И я снова не послушался”.

Эти примеры приведены для того, чтобы мы, а в особенности молодежь, не имели дерзкой надежды на себя. Если бы он послушал Старца, то сейчас был бы наследником нашего братства.

Но бывает и хуже. Этот, по крайней мере, остался в рясе. Но я знаю очень многих, которых лукавый обманул, выманил в мир, и в конце концов они запачкали свою схиму грехами или, еще “лучше”, связали себя узами брака».

Два случая чудесного возвращения

«Но были и некоторые исключения, когда монахи возвращались обратно с великим покаянием. Один такой случай произошел с нашим собственным старцем – Ефремом-бочаром. Он, начиная свою монашескую жизнь, и представления не имел, как воевать с

“начальствами и властями тьмы”, но показал доброе произволение. Когда он услышал, что его дядя – монах, в его невинном сердце родилось желание подражать ему. Таким образом, однажды он пришел в каливу Благовещения Пресвятой Богородицы на Катунаках, где недалеко жил его дядя – отец Иосиф.

И что же сделал искунитель, когда увидел еще одного юношу, одевшегося в черное и ополчающегося против него? Поначалу он воздвиг против него сильные плотские страсти. Юноша на какое-то время растерялся: “Теперь, – говорит, – как быть? Непросто все это”.

К сожалению, его старец не успел рассказать ему о дьявольских уловках и о том, что лекарством от них является исповедь. Юноша, пребывая в неведении, но с добрым намерением, подбегает к иконе Благовещения и, как младенец своей матери, говорит Пречистой: “Богородице моя, вижу, что трудно это. Потому я подумал вот что: позволь мне ненадолго выйти в мир и жениться, чтобы прошла эта брань. И я обещаю Тебе, что вернусь потом обратно”.

На следующий день он прощается со своим дядей и говорит ему:

– Я пока должен уехать в мир, но я вернусь.

Уезжает он в мир и находит девушку для заключения брака. Но с самого начала все объясняет и говорит ей:

– Я намереваюсь жениться на короткое время, а потом стать монахом. Ты согласна?

Девушка отнеслась к этому легкомысленно: “Разумеется, он шутит со мной”, – подумала она.

Играют свадьбу. Через год рождается и ребенок. Веселье, крещение и тому подобное. После всего юноша сел и задумался: “Каждый год по одному ребенку. Если я останусь на второй год, третий... Эх, тогда и не видать мне монашества. Свяжу себя по рукам и ногам”. Зовет он свою жену и говорит ей:

– Ты помнишь, о чем мы договаривались перед свадьбой? Ну так вот, семейной жизни – конец. Завтра я ухожу в монахи.

Жена точно свалилась с небес: крики, плач.

– Меня тебе не жалко, но этот младенец чем виноват? Кто будет его воспитывать?

– Если все дело только в младенце, то это легко. Подожди и увидишь.

Он спешит к иконе Божией Матери и говорит Ей: “Богородице моя, я не отказываюсь от своего обещания, но младенец является препятствием”.

В ту же ночь Божия Матерь взяла невинную душу младенца на небо. После похорон малыша неутомимый юноша снова возвращается к разговору:

– Итак, теперь, любовь моя, мы освободились от младенца. Для меня самое время идти к своей цели.

Жена вновь за свое:

– И как я буду жить, как я проживу одна?

Тогда супруг говорит ей:

– Так, ребенка я устроил. Теперь твоя очередь. Подожди немного, я скажу об этом Божией Матери...

Жена, едва слышав такие слова, приходит в ужас, падает ему в ноги и просит:

– Нет, любимый мой, дай мне пожить, а сам иди куда хочешь.

Наутро она собрала все его вещи и отпустила его. Он поспешно отправляется на Катунаки и напрямик к своему дяде. Научившись отражать демонские прилоги, он до конца пребыл образцом добродетели для знавших его. Вот у такого старчика мы удостоились быть послушниками до самой его смерти и получили его святое благословение.

Другого старчика из монастыря Григориат сбила с пути материнская любовь, из-за которой он, будучи молодым, уехал ненадолго в мир, пал там в разостланные сети и связал

себя узами брака. Родился у него и сынок, который своими невинными очами увидел на груди отца красный крест ангельской схимы.

Отец, зная, что это означает, не выдержал обличений совести, вернулся в свой монастырь и с той поры являл всему братству образец покаяния. И Бог засвидетельствовал, что покаяние его принято. Недавно, когда он умер, мы узнали, что тело его источило миро. Это монах Макарий (Григориатис), преставившийся в 1975 году».

О непреклонном подвижнике

«Однажды, – рассказывает старец Арсений, – я, услышав молву об одном подвижнике, взял благословение познакомиться с ним. Этот непреклонный подвижник жил в каливе, расположенной высоко, чуть ниже вершины Афона. Что там за страшный зимний холод! Молнии били в то место одна за другой и часто, как он сам рассказывал, опаляли ему и одежду. Я, позавидовав его великому самоотречению, говорю ему:

– Геронда, можно и мне жить здесь?

И сей опытный воин отвечает:

– Можно, чадо мое, если есть у тебя непрестанные слезы».

Но почему же старец не остался? Может быть, у него не было слез? Или, может быть, из того, о чем было рассказано, видно, что его собственный подвиг был ниже? И чем же он тогда укреплялся, если ежедневно не был насыщаем потоками слез, к чему и нас часто призывал, говоря: «Подвизайтесь стяжать сладкие слезы. Эта сладость напрямую из рая»?

Причина, по которой отец Арсений не остался там, проста: он все еще был в послушании у Великого Старца, которому пообещал, что разлучит их только смерть.

Малая Анна. Последнее братство старца Иосифа В пещеры Малой Анны (1938–1953)

После пятнадцати лет суровых подвигов в скиту святого Василия два подвижника решили спуститься в чуть более утешительные места. Старец Арсений рассказывает об этом следующее:

«У Старца нашего был младший брат, которого звали Никос. Он, последовав за своим братом, пришел к нам где-то в 1925–1930 годах, стал монахом и получил имя Афанасий.

Когда “отец Фанасис” стал жить вместе с нами, он взял на себя внешние работы, а я занялся рукоделием.

Наша калива в скиту святого Василия была маленькой, и мы оказались в безвыходной ситуации. Когда Старец услышал, что в Малой Анне есть место уединенное и с пещерами, то осмотрел его и нашел подходящим для безмолвия.

Потому в несколько дней мы и перебрались туда совсем, оставив старую каливу отцу Яннису-влаху.

Поневоле все пришлось начинать сначала, пока с помощью подручных средств мы не оборудовали для жилья маленькие пещеры и не построили крохотную, но очень уютную часовню. В этом нам не замедлил помочь и наш эфимерий – отец Ефрем Катунакиот, – конечно, столько, сколько позволял ему его старец. Что касается икон, то нам в подарок их написало соседнее братство ананеев, с которым мы поддерживали тесные братские связи.

В ту пору недалеко от нас жили две другие замечательные личности: отец Герасим, знаменитый гимнограф, и его благочестивый брат, ученый отец Авимелех.

Вот так – кроме всего прочего, у нас были и хорошие соседи».

Отец Ефрем Катунакиот

Раз отец Арсений упомянул эфимерия их братства – отца Ефрема, то я считаю своей обязанностью сказать несколько слов и о нем, потому что, с одной стороны, весь его

духовный путь неразрывно связан с этими двумя старцами (Иосифом и Арсением.– *Ред.*) и их братством, а с другой – по общему признанию, это великий современный подвижник Святой Горы.

С самого начала своего отречения от мира я убедился в тесной взаимной связи, которую сохранял отец Ефрем Катунакиот со всеми духовными чадами старца Иосифа. Но особое уважение он питал к личности старца Арсения.

И даже когда мы удалились из близкого к нему Нового Скита и поселились в Буразери, этот приснопамятный старец очень часто покидал свое безмолвие, чтобы посетить своих братьев, как он называл нас, и в особенности получить благословение отца Арсения.

Показателем благоговения этого старца перед отцом Арсением было следующее: когда мы просили прочитать над нами молитву, он, согласно правилу, говорил: «Помяни, Господи, раба Твоего... молитвами святых отцов Иосифа и Арсения». Но и свою собственную молитву он всегда начинал такими словами: «Молитвами святых отцов Иосифа и Арсения».

Калива старцев в Малой Анне

Как-то раз отец Ефрем зашел в Буразери, где переночевал, а на следующий день пошел к другим братьям, как он их называл, в монастырь преподобного Филофея. Там он пробыл два–три дня, укрепляя игумена и всю недавно перешедшую из скита Провата братию.

На обратном пути он вновь остановился у нас и пробыл с нами еще два дня в Буразери.

В трапезе наш старец нашел удобный момент предложить отцу Ефрему сказать нам несколько наставлений. Чтобы вкусили и мы его отеческих слов, я привожу здесь кое-что из сказанного им.

«Отцы, монашеская жизнь и очень проста, и очень сложна. Для настоящего послушника монашеская жизнь – это рай. Монах должен выучить два слова: одно – “благослови”, а другое – “буди благословенно”. Это так просто и легко, но, к сожалению, мало кто это выполняет. Если ты хорошо выучил этот урок, то усвоил монашескую жизнь.

Наш старец Иосиф вместе с отцом Арсением подвизались настолько сурово, что такие подвиги мы можем встретить только в житиях великих святых. И все же этот великий подвижник, кроме подвижнических трудов, всегда похвалял послушание. Хочешь стяжать дары? Послушание! Хочешь приобрести молитву, хочешь слезы? Послушание! Хочешь дара чудотворения, прозрения, предведения? Все через послушание и только послушанием».

Полагаю, что этого достаточно, чтобы вспомнить сего святого старца. Приведу лишь то, что он сказал нам в заключение своей духоносной беседы:

«Зашел сначала к вам, побыл немного, но нашего старца Иосифа увидеть здесь мне не удалось. Прихожу в Филофей. Там я увидел Старца.

Когда я подумал немного о том, почему бы Старцу не быть с двумя своими чадами, меня озарило: “Точно,– думаю,– здесь у них есть старец Арсений, поэтому монахи Филофея по справедливости имеют старца Иосифа”».

Знакомство отца Ефрема со старцем Иосифом

Как-то раз мы спросили старца Арсения:

– Геронда, отец Ефрем из другого братства, но наши связи настолько тесные и обоюдные, что он как бы считается членом нашего братства.

– Отец Ефрем, приехав на Афон впервые, поселился у отца Никифора на Катунаках.

Тот, увидев такого ревностного и благочестивого юношу, через год постриг его в монахи, а через год–два, несмотря на его возраст, сделал священником.

Отец Никифор был строг с братией: целый день рукоделие, строгие посты. Что же до молитвы и образа жизни, здесь не было ничего. Но монах без молитвы ничем не отличается от мирянина. И что же сделал всеблагий Бог, видевший доброе расположение и жажду юноши?

Незадолго до хиротонии отца Ефрема старец Иосиф пригласил в нашу каливу его старца послужить литургию.

По Божественному домостроительству, отец Никифор взял с собой и своего юного послушника. Старец Иосиф, завидев юношу, взглянул на него разок и говорит про себя: «Вот жаждущий олень. И воды не дают ему попить. Помощь нужна монаху, но как войдешь в чужую ограду?». Он возложил это на Бога. И действительно, Бог все устроил следующим образом: в том же году отец Никифор посылает своего монаха на хиротонию, и он становится священником. Тогда Старец не теряет удобного случая и просит отца Никифора регулярно присылать своего послушника для служения литургии.

Чудо произошло. Итак, в первый раз отец Ефрем приходит ночью с фонариком на поясе в скит святого Василия служить литургию. И раз добыча уже в клетке, Старец после Божественной литургии зовет юного служителя в свою келию.

– Как поживаешь, чадо мое?

– Хорошо, хорошо, Геронда.

– Но я, чадо мое, не вижу, что хорошо. Не стесняйся, скажи мне, что с тобой происходит.

Потихоньку юный священник набирается смелости и говорит:

– Но, Геронда, в конце концов, разве то, как мы живем, является монашеской жизнью? Работа с утра до вечера, а, кроме того, еще и ругань и ни одного ласкового слова! Где добродетель, где любовь, где молитва?

– Чадо мое, будь осторожен, это твой старец. Тебе показал его Бог. Ты не можешь ни уйти, ни осуждать его.

– Но разве старец ведет себя так?

– Послушай, чадо мое. Ты знаешь, что пообещал отречься от мира, а ищешь чести и лести? Ну тогда ты не монах. Если ты желаешь быть рабом Христовым, то и ты должен претерпеть все то, что претерпел Он ради нас: презрение, ругань, унижение, даже оплевание и избиение. Если ты все это терпишь, то и ты поднимаешь маленький крест и следуешь за Христом. Через комфорт, ложные почести, через вежливость не приходят спасение и преуспеяние.

Все это и многое другое та жаждущая душа впитала тотчас, как губка. Он отвечает в свою очередь:

– Спасибо, Геронда, за все то, что я услышал сегодня. Я все это принимаю. Только есть у меня одно недоумение: не должны ли и мы, как монахи, учиться молитве?

Услышав это, Старец обнял его и говорит:

– Очень правильно, чадо мое. Итак, впредь – послушание своему старцу, а что касается молитвы, то это уже моя забота. Отныне непрестанно будешь говорить «Господи Иисусе Христе...», а ночью будешь жить по тому уставу, который я дам тебе.

С того дня душа юноши воскресла. Он непрестанно творил молитву, каждую ночь совершал бдение и под руководством Старца в два–три месяца стал подобным огню.

С тех пор отец Ефрем следовал за нами повсюду. Старец даже помог отцу Ефрему со здоровьем, потому что тот мог заболеть туберкулезом. Для своего эфимерия он заказывал из мира сыр, масло, яйца, молоко в банках и многое другое. Юноша сначала был против, но за послушание ел все до тех пор, пока не вернулось его здоровье, и был признателен

Старцу за то, что тот, несмотря на нашу весьма строгую жизнь, к другим был очень снисходителен, не зная уступок лишь в том, что касалось послушания.

В завершение нашего рассказа об отце Ефреме надо подчеркнуть, что старец Арсений сильно превозносил его за добродетель и говорил: «Вот ведь мы совершили столько суровых подвигов, а он одним лишь послушанием обогнал нас всех. Но его послушание было мученическим: его старец был очень суров, однако он терпел его до конца. Вот что важно. Благословение его да пребывает с нами».

Снова к каливам

Но давайте вернемся снова к каливам Малой Анны.

Итак, удаленный район Малой Анны не замедлил превратиться в новую духовную арену.

Келия старца Арсения в Малой Анне

Вскоре после брата Старца – отца Афанасия – к ним присоединился монах Иосиф. Этот монах довольно рано стал известен в силу своего писательского таланта, но еще более в силу того, что в последние годы благодаря ему наполнился монахами и превратился в духовную оранжерею монастырь Ватопед, до того бывший идиоритмическим.

Следующим братом был отец Ефрем, который впоследствии преобразовал в киновию монастырь преподобного Филофея Афонского, также бывший идиоритмическим. Впоследствии из этой обители вышла братия трех других монастырей Святой Горы.

Как известно, когда отец Ефрем установил в этих четырех афонских монастырях тот порядок, который принял от Старца, он по Божественному указанию переехал в Америку, где на сегодняшний день основал шестнадцать монастырей (мужских и женских), перенеся туда тот монашеский дух Святой Горы, которым сам напитался рядом со своим святым Старцем.

Племянник старца Арсения

Мы упомянули, что к старцу Иосифу присоединился его брат – отец Афанасий. Но, кажется, и для старца Арсения сохранялась «львиная доля».

Помните, что еще до отречения от мира он, «чтобы Христос не положил ему за пазуху камень, должен был кого-нибудь покрестить». Вот он и покрестил своего маленького племянника Харалампия.

Этот Харалампий, несмотря на то что являлся кормильцем семьи и оставался в миру до сорока лет, проводил такую подвижническую жизнь, которой позавидовал бы и самый суровый нынешний аскет. Но, чтобы постигнуть, с какой горячей ревностью он начал свою монашескую жизнь, я передам то, что он сам рассказал мне.

«Крестный мой, увидев меня, обрадовался и затем представил старцу Иосифу как кандидата в монахи. Старец, желая испытать мою ревность, говорит мне:

– Мы здесь проводим очень суровую жизнь. Я не думаю, что ты выдержишь ее.

– Геронда, я попробую.

– Твой дядя каждую ночь совершает три тысячи поклонов. А ты можешь?

– Я попробую, Геронда.

Тогда он тут же зовет старца Арсения и говорит ему:

– Отец Арсений, я желаю, чтобы ты и твой племянник прямо сейчас сделали по три тысячи поклонов.

– Буди благословенно».

«Но отец Арсений, – говорит отец Харалампий, – немного подшутил надо мной,

потому что то место, где стоял он, было немного с наклоном вверх, а мое было ровное. Мы поднажали – глядь, и старец Арсений закончил первым. Мне же осталось еще пятьдесят поклонов. Я закончил, и меня снова зовет Старец.

– Ну что, Хараламбий, как тебе кажется, выдержишь ты?

– На данный момент, Геронда, трудностей у меня не было, позже – не знаю».

Чему здесь удивляться в первую очередь? Не буду говорить об отце Хараламбии, потому что он еще жив. Но подсчитайте: если старец Арсений крестил его за сорок лет до описываемого момента, еще до того, как стал монахом, то это значит, что тогда ему было около шестидесяти трех – шестидесяти пяти лет. И, несмотря на это, он со всей готовностью сделал три тысячи поклонов так, как будто бы не случилось ровным счетом ничего.

Так вот, этот самый Хараламбий, успешно пройдя первые испытания, в скором времени был пострижен в монахи с тем же именем, а на следующий год рукоположен в священники, чтобы служить литургию для братства.

Там, наверно, среди утесов и в пещерах, расположенных на обрывах, местожительство более всего подходило для Великого Предтечи. Таким образом, у братства снова появилась церковка в честь Иоанна Крестителя, в которой отец Хараламбий после хиротонии служил каждый день. Порядок же бдения был следующий.

С утра до полудня отцы занимались либо рукоделием, либо физическим трудом. После полудня каждый брат удалялся в свою келию, где час–два молился по четкам за вечерню. Если оставалось время, то можно было и почитать.

Братство старца Иосифа в последние годы. Посередине (сидит) – старец Иосиф, слева направо: отец Афанасий, отец Ефрем (Филофейский), старец Арсений, отец Иосиф (Ватопедский), старец Феофилакт и отец Хараламбий

Потом предлагалась общая трапеза, постоянной основой которой, после того как у Старца появились молодые монахи, перестала быть пища без масла. В пище стали придерживаться обычного порядка установленных постов. К этому выводу Старец пришел, когда понял, что молодое поколение не обладает силами для непрерывного поста. Таким образом, всю тяжесть подвига он перенес на спасительное послушание и всегдашнее бдение, благодаря которому, как он говорил (со слов старца Арсения), открываются душевные очи у всех нас. Пост же был соразмерный и с рассуждением.

После общей трапезы братия удалялись для телесного отдыха на три–четыре часа. При заходе солнца они вставали, приходили к Старцу за благословением и одновременно имели благословение попить кофе, помогающего в бдении. Для поддержки наиболее немощных разрешалось небольшое угощение, по желанию.

С двенадцати часов по византийскому времени отцы совершали бдение каждый наедине. С шести часов до восьми тридцати совершалась ежедневная Божественная литургия. После литургии братия отдыхали еще часа два, чтобы потом с готовностью приступить к работе, в совершенном молчании, кроме крайней необходимости, отдавая себя полностью делу послушания. Одновременно устами они непрерывно проговаривали молитву. Иногда – «Господи Иисусе Христе, помилуй мя», а иногда – «Пресвятая Богородице, спаси мя».

Отчет за день – самоиспытание

Из того же самого опыта старец Арсений говорил нам: «Когда днем ты с ревностью выполняешь послушание и одновременно твои уста непрестанно шепчут молитву, то внутри ты чувствуешь такое успокоение и радость, что и дневные труды вменяешь ни во что. Особенно же ночью с теплотой, приобретенной днем, ты совершаешь бдение с такой легкостью, что оно не утомляет тебя, а проходит, как праздник.

Однако бывает часто, когда днем каким-либо преслушанием, празднословием, прекословием, неким гордым, завистливым, осуждающим помыслом мы дадим к тому повод, непрестанная молитва прерывается на устах, а ночное бдение превращается в мучения и труд. А иногда это случается и без всякого повода с нашей стороны.

С помощью строгого самоиспытания мы находим любые свои ошибки и, поисповедовавшись в них с покаянием и смирением, возвращаемся в прежнее устройство. Если же мы не даем повода, то вынуждены признавать, что претрудное ночное бдение является не нашим собственным делом, но даром Божиим, которого Он лишает нас тогда, когда этого пожелает. Получая такой урок, мы принуждаемся жить во всегдашнем страхе Божиим».

Успение Великого Старца. Отец Арсений становится старцем братства Старец Феофилакт. Переход в Новый Скит (1953–1967)

В Новом Скиту есть калива, посвященная памяти двадцати святых Бессребреников. В этой каливе на протяжении многих лет подвизался иеромонах Иоаким (Специерис), автор известной книги «Пустынница Фотиния». С этим великим старцем жил один благочестивый монах, по имени Феофилакт.

После преподобнической кончины своего старца монах Феофилакт, страдаемый духовной жаждой, лишь заслышав о славе святых старцев Иосифа и Арсения с их благочестивым братством, тотчас поспешил познакомиться с ними поближе и получить пользу. В результате он, подобно рыбе, попал в сеть, очарованный медоточивыми словами старца Иосифа.

Старец, видя искреннее стремление и благоговение отца Феофилакты, принял его в свое братство и постриг в великую схиму. С тех пор и отец Феофилакт стал следовать в своей каливе в Новом Скиту такому же порядку во бдении.

Раз уж мы вспомнили этого святого старчика, то не удалимся от своей цели, если несколько строк посвятим его памяти.

С самого начала своего монашеского пути я поддерживал с ним тесное знакомство, потому что он считался членом нашего братства. По ночам мы вместе с моим старцем часто приходили в уединенную церковку двадцати Бессребреников для служения Божественной литургии. При входе внутрь направо была одна комната. Там он совершал бдения, а когда уставал, немного отдыхал в деревянном креслице.

Этот старец, отец Феофилакт, обладал многими добродетелями, среди которых выделялись нестяжательность и неприхотливость. Денег у него не было никогда. Когда он нуждался в них, то с верой просил у своих небесных покровителей, и они присылали ему столько, сколько было нужно.

Лампады храма святых Бессребреников у него были всегда зажжены. В проскинитариях скита он зажигал лампы круглый год. И даже когда снега было с полметра, он должен был спускаться и зажигать лампы.

Приготовленную пищу он ел только тогда, когда мы ему давали, а дома ничего не готовил.

Этому старчику Бог дал дар часто видеть умными очами душ! и сверхъестественные вещи. Для примера я привожу два случая.

Однажды он увидел, как вокруг одного монашеского братства ходит сатана и расставляет свою сеть. Феофилакт говорит старцу этой келии:

– Будь внимателен, сатана что-то замышляет в твоём братстве.

Не прошло много дней, как один монах собрался и ушел.

Некоторому духовнику он сказал:

– Будь осторожен, вчера сатана ходил вокруг твоей келии.

И действительно, на следующий день один монах, обманув его своей ложной исповедью, получил от него подпись под присягой ставленника для хиротонии во священника. Позже, когда духовник вновь поразмыслил об исповеди, он понял обман и взял назад свое согласие.

После преподобнической кончины старца Иосифа отец Феофилакт, не знаю как, чувствовал, когда кто-то нуждался в помощи, каждое лето приезжал на Пелопоннес и втихую помогал как монастырям, так и многим людям. Только одно его смиренное присутствие было живой проповедью. Когда мы уходили из Нового Скита, старец Арсений очень просил его уйти с нами. Но, несмотря на свою глубокую старость, он предпочел остаться в своей келии, пока не лишился зрения. С того времени за ним до самой его кончины в 1986 году ухаживали его соседи – благочестивое братство авраамеев.

Благословение его да пребудет с нами.

Отец Феофилакт, когда присоединился к нам как один из наших братьев в 1953 году, приходил в Малую Анну из Нового Скита. Он из практических соображений предложил Старцу перебраться со всем братством в Новый Скит, в достаточно просторную келию святых Бессребреников. Святой старец Иосиф, всегда руководствовавшийся принципом «не отвергать и не принимать», согласился с отцом Феофилактом переехать в Новый Скит на несколько дней, для пробы.

И отцы скита, и кириархальный монастырь святого Павла Афонского встретили известие об их переезде с радостью и ликованием. Но, поскольку, с одной стороны, семь человек братства старца Иосифа теснились здесь в одной маленькой келии, а с другой стороны, соседние келии располагались вплотную к ним, наши великие старцы почувствовали себя очень неудобно. Тогда отец Иосиф говорит отцу Арсению:

– Отец Арсений, здесь, куда мы пришли, и если кашлянешь, соседи услышат. Если же молиться вслух, плакать, то будешь совсем как на сцене театра.

– Да, – говорит отец Арсений, – у меня то же ощущение.

– Ну так вот, уведомя монастырь. Завтра мы уходим.

Заметьте, что тогда монастырь святого Павла был одной из лучших киновий Святой Горы и среди прочих украшали его такие люди, как игумен Серафим, иеромонах Андрей, впоследствии игумен монастыря, ученый благочестивый монах Феодосий и многие другие.

Игумен, едва узнав о намерении старца Иосифа уйти, созывает монастырский собор, который решает передать братству Старца часть скита: от скитской башни вниз до моря, с четырьмя келиями, находящимися на этой территории. Решение было принято срочно и сопровождалось теплой просьбой к Старцу принять это предложение.

Два великих старца, обойдя место, оба убедились в том, что это то, что они искали.

На следующий же день братство переехало в новые подвижнические келии. А отец Афанасий поселился в келии Благовещения Пресвятой Богородицы, в очень уединенном месте.

Отец Афанасий

Раз речь зашла об Афанасии, родном брате старца Иосифа, я полагаю, что несколько слов мы должны посвятить и ему.

В этой каливке отец Афанасий пробыл почти до самого конца своей жизни. Но при неожиданной перемене в его здоровье во сне ему явился его брат по плоти и старец по духу, как рассказывал мне сам отец Афанасий, и убеждал его перейти на дальнейшее жительство в монастырь Филофей.

И этот старчик тоже был украшен множеством добродетелей.

После своего отречения от мира он положил себе за строгое правило никогда не выезжать со Святой Горы, а также никогда не принимать квалифицированной врачебной помощи. Это он в точности сохранил до самой своей кончины.

Поселившись в скиту святого Василия, он взял на себя все внешние работы, освободив таким образом отца Арсения, который с тех пор ограничился лишь рукоделием. Отец же Афанасий часто ходил по монастырям, продавая рукоделие или обменивая его на необходимые для келии вещи, при этом часами нося тяжести на спине.

Но и позже, когда они поселились в Новом Скиту, он безвозмездно принял на себя обязанности, как он весело говорил, «осла», то есть послушание почтальона: ежедневно утром и в обед спускаясь на пристань и поднимаясь обратно, служил таким образом всем отцам.

По характеру он был всегда веселым, приятным в беседе, воздержным в пище, говорил полезные поучения, очень любил службы. В Новом Скиту он всегда приходил первым на общую молитву в кириакон, исполняя послушание уставщика. Несмотря на то что не был обучен музыке, он пел настолько мелодично и чисто, что производил впечатление даже на протопсалтов. Особенно это было заметно, когда он пел Божией Матери архангельскую песнь «Достойно есть».

Все заставшие его вспоминают, что молитва и славословие никогда не сходили с его уст.

Кто бы с ним ни здоровался, даже если это был и незнакомый ему человек, всем на приветствие он отвечал глубоким поклоном, стараясь облобызать руку встретившегося, хотя тот мог быть и простым мирянином.

В монастыре Филофей он прожил последние два–три года своей жизни, послужив образцом и примером для юной братии. И здесь он снова, насколько позволяли ему силы, был первым на общих службах.

Когда пошатнулось его здоровье, он был вынужден ограничиться своей келией. Одновременно с этим ноги его так распухли, что полопались вены и образовалась такая большая рана, что были видны кости его ног. Но самым страшным было то, что в ранах завелись черви, о чем я свидетельствую как очевидец. Благочестивый и опытный монастырский врач монах Савва напрасно просил старца разрешить обработать раны.

Старец при приближении избавления, конечно, не хотел преступать своего правила, принятого им с самого начала отречения от мира. Поэтому он без ропота отвечал: «Чада мои, лучше сотворите молитву, чтобы и мою душу поскорее забрал Господь».

Такой мученической была кончина этого старца, когда по исполнении дней он отошел ко Господу, приложившись к остальным отцам своего братства во дни Пятидесятницы в 1984 году.

Преподобническая кончина Великого Старца

Но вернемся вновь к тем каливам у скитской башни.

Отцы не замедлили построить в двух больших келиях по небольшому храму. Один был посвящен Благовещению Пресвятой Богородицы, другой – Рождеству *большого из рожденных*, предводителя монашеского чина – честного Предтечи.

В центре – старец Иосиф. По правую руку от него отец Харалампий, по левую – отец Ефрем Филофеит

В скором времени и отец Ефрем по благословию Старца был рукоположен в иеромонахи, остался с Великим Старцем и служил в церкви Благовещения. Отец же Харалампий жил и служил в уютной церковке Иоанна Предтечи. Отец Ефрем некоторое время жил с отцом Феофилактом в келии святых Бессребреников. А отец Арсений выбрал маленькую каливку, расположенную рядом с келией Иоанна Предтечи на расстоянии «брошенного камня». В этой каливе он продолжал свои великие подвиги, и там я имел благословение познакомиться с ним впервые.

Между тем состояние здоровья Великого Старца сильно ухудшилось. В спасительное лето 1959 от Рождества Христова, после того как он предвидел и предвозвестил свою кончину, 15 августа, после Божественной литургии, Пресвятая Богородица в день Своего святого Успения забрала его блаженную душу. Настолько велика была любовь к Ней этого святого Старца, что на протяжении всей своей жизни он, прижимая к груди Ее святую икону и проливая теплые слезы, умолял: «Когда придешь Ты ко мне? Когда заберешь Ты мою душу?».

Старец преставился. Велико сиротство, огромна скорбь!

В утешение остались отец Арсений и наследство, полученное братством: чин бдения и последние отеческие советы. Кроме того, Старец дал благословение своим чадам, чтобы после его смерти каждый из них жил на своей келии, дабы вокруг каждого из них собралось братство.

В центре – старец Иосиф. По правую руку от него отец Харалампий, по левую – отец Ефрем Филофеит

В тех маленьких каливах Нового Скита вскисло первое тесто, умножившееся со временем. Таким образом, закваска увеличилась и распространилась на большие русские келии Буразери и святого Артемия в Провате, чтобы и им самим стать впоследствии тесными и чтобы детей пустыни с распростертыми объятиями приняли великие и прекрасные монастыри Святой Горы: Филофей, Дионисиат, Ватопед и другие. В этих монастырях вместе с благословением старца Иосифа водворился и исихастский дух. Там добродетель возделывается всегда на основании, полученном в наследство от него: «Послушание, непрестанная молитва, бдение и откровение помыслов».

Здесь я считаю полезным сделать напоминание всем нам – духовным потомкам этих двух великих подвижников! Отец Арсений часто говорил нам: «Относитесь осторожно к уставу, доставшемуся вам. Мы со Старцем проливали кровь, чтобы готовым передать его вам. Вы же лишь храните его». Поэтому каждый из нас пусть отнесется к этому ответственно, если мы, как потомки, желаем гордиться такими предками.

В Буразери

Переезд из Нового Скита на большие русские келии Буразери и святого Артемия в Провате (1967)

Как я говорил, после преподобнической кончины Великого Старца каждое его чадо жило в отдельной каливе, подвизаясь по исихастскому уставу, согласно преданию Старца.

Но слава отцов-безмолвников этого места не замедлила распространиться. И вот уже соседние монастыри – святого Павла и Дионисиат – приглашают их к себе в качестве духовников. Первый монастырь – отца Ефрема, а второй – отца Харалампия. Это было

сделано для «повышения духовного уровня», как говорил приснопамятный и мудрый игумен Дионисиата архимандрит Гавриил. «Мы же, – со смирением признавал он, – напрасно тратим время и силы, управляя монастырем».

Многие братья, собиравшиеся в Новый Скит для исповеди, решили жить вместе со своими духовными руководителями. В результате маленькие каливы очень быстро переполнились. Поэтому возникла необходимость в расширении калив, чтобы они вместили молодых братьев и тех, кто придет потом. Тогда двое братьев-иеромонахов, подумав о том, как быть дальше, решили перебраться в более просторные жилища.

Стало известно, что есть большие русские келии, расположенные в окрестностях Филофея и Проваты, а также Буразери вблизи Кареи.

Тогда мой старец отец Харалампий зовет одного брата, уже отошедшего теперь в небесные обители, и мое недостойнство и посылает нас в монастырь Филофей, чтобы разузнать об этих келиях. По пути мы зашли в каливу отца Арсения получить его благословение. Прежде чем мы открыли рот, он говорит нам:

- Не ходите в Филофей, потому что мы переедем в Буразери.
- Откуда ты это знаешь, старче?
- Мне во время молитвы показала это Божия Матерь.

И он начал в подробностях описывать мне здания и единственного русского монаха, живущего там. Тогда я спрашиваю его:

- Есть ли воля Божией Матери уйти нам отсюда?

– Я еще несколько дней тому назад узнал, что мы отсюда уйдем. Несколько ночей тому назад во сне я увидел Старца, который, как подрядчик, осуществлял надзор за большими зданиями. Я спрашиваю его: «Чьи это здания, Геронда?» – «Это наши, – говорит он мне. – Пойдите и посмотрите на келии монастыря Филофей, но знайте, что мы пойдем в Буразери».

Мы пришли в Карею и сразу пошли в Буразери. Все действительно было так, как описал нам старец Арсений. Но русский монах даже и слышать не хотел о том, чтобы жить вместе с греками.

Потом мы пошли в Филофей и осмотрели несколько больших келий, лежавших в руинах. Отцы идиоритмического тогда монастыря с большой вежливостью предложили их нам, но мы нашли их неподходящими.

На обратном пути мы говорили:

- Хорошо в Буразери, но как нам убедить русского монаха принять нас?

Выход был найден. Старец отец Харалампий, поскольку родился в России и знал русский язык, был самым подходящим человеком для переговоров. Однако после первой встречи с русским он вернулся ни с чем.

На следующий день подзывает его старец Арсений и говорит:

– Завтра иди в Буразери. Сегодня ночью я видел Божию Матерь и русского монаха, который гневался на тебя. Но Божия Матерь обняла его, и он стал кротким как ягненок.

С таким уверением старец приходит в Буразери, ищет русского, но нигде не может его найти. Видит одну открытую дверь и любопытства ради заглядывает внутрь. Это была церковь Покрова Божией Матери, а внутри – русский старчик. Как только он завидел старца, его охватил внезапный гнев. Он берет палку и бежит к старцу, чтобы ударить его. Но, не успев приблизиться, меняет расположение своего духа. Он отбрасывает палку, обнимает старца и начинает говорить следующее:

- Ты – хороший человек. Завтра приходи со своими монахами.

Он поднимается с нашим старцем наверх и показывает на одно здание:

- С меня этого хватит. Все остальное – ваше.

Поскольку события получили такое благоприятное развитие, наше маленькое

братство в течение нескольких дней перебралось в эту большую келию, принадлежащую монастырю Хилендар. Приблизительно в то же самое время отец Ефрем со своим братством переехал в большую келию святого Артемия в Провате.

В ту же пору старец Иосиф, ныне Ватопедский, с одной важной миссией находился в миру. По возвращении он остался в Новом Скиту, но переехал из своей маленькой каливы, не имевшей храма, в каливу Благовещения, которую незадолго перед тем оставило братство отца Ефрема, переехавшее в Провату.

Наша Госпожа Богородица устроила так, что благодаря этой маленькой каливе Благовещения были укреплены духовно два монастыря, посвященные Благовещению, – Филофей и Ватопед, а благодаря каливе Рождества Иоанна Предтечи – монастырь Дионисиат, посвященный Рождеству Иоанна Крестителя.

По поводу описанных случаев, пользуясь возможностью, нужно заметить, что отец Арсений был простым и беззлобным старчиком. Я подчеркиваю – беззлобным, потому что, поверьте мне: восемнадцать лет я прожил рядом с ним и никогда не видел его сердитым или в пылу гнева. Помню, что только однажды он повелительно возвысил тон своего голоса, не соглашаясь с одним братом, который настаивал на том, чтобы что-то было сделано иначе. Но старец с помощью молитвы провидел, что если бы уступил, то с другим братом случился бы несчастный случай. Поэтому он строгим тоном сказал:

– Ты сотворишь послушание. Будет именно так...

И действительно, он оказался абсолютно прав.

Сны старца Арсения

Полагаю, что нужно сказать несколько слов о снах старца.

Одно дело – обычный сон, и совсем другое – видение, которое бывает у подвижников, обычно во время молитвы, в часы сильной усталости. Тогда их захватывает нечто настолько живое, что подвижник не знает, спал он или нет.

Нечто подобное встречается в Деяниях апостолов, где сотник Корнилий, *благочестивый и всегда молившийся Богу, в видении ясно видел Ангела.*

Подобным образом и отец Арсений, всегда молясь, зачастую видел *в видении* сверхъестественные вещи. Особенно часто он видел своего Старца и сподвижника, который и после смерти направлял его и оберегал от ошибок и ловушек. Для примера я приведу один случай.

Несмотря на то что по своей доброте и простоте старец Арсений так легко раздавал свои благословения, однажды, я помню, странным образом он был непреклонен до такой степени, что огорчил одного брата. Когда его спросили, почему он был так суров, он ответил:

– Пришел вчера Старец и сказал мне: «Арсений, будь осторожен, не бери чужую тяжесть... Завтра придет Х., не давай ему благословения».

Что касается обычных снов, то отец Арсений очень часто видел Старца и воспринимал это как нечто естественное:

– Всю жизнь мы прожили неразлучно. Сны – это кладовка: что положишь, то и возьмешь. Если ты вор, то и во сне воруюешь. Если блудник, сребролюбец или еще кто-нибудь, то видишь свойственное тебе. Если же ты подвижник, то молишься даже во сне. А молитва эта днем дает большую силу и сладость.

Еще он говорил:

– Будьте осторожны с разрешением. Искуситель это использует, и прежде всего – во сне.

Таким образом, старец Арсений, несмотря на всю свою простоту, с помощью

благодати и своего многолетнего опыта отличал, что происходит от Бога, что – от естества, а что – от демонов.

Преставление русского монаха. Собака псевдо-Василия

Как я сказал, русский иеродиакон Иоанникий оставил за собой одно здание – то самое, которое находится под одной крышей с большой трапезной.

Но, кроме русского иеродиакона, там было еще восемь мирян, именовавшихся кавиотами, которые жили на келии и платили аренду в размере одной драхмы в месяц. Они, естественно, нарушали исихастский устав нашего братства.

К сожалению, отец Иоанникий любил их и не желал с ними расставаться. Кроме того, хотя он и был добрым, но, как и свойственно человеку, в качестве старца келии вмешивался в дела и создавал небольшие проблемы. Так, уже с первых дней нарушалось естественное течение нашей безмолвной жизни.

Мы, как новоначальные, пребывали в беспокойстве и терзались различными двойственными помыслами, принимая во внимание то, что русский старец, несмотря на свой возраст, был полон сил и работал, как юноша.

Единственный, кто оставался в спокойном и мирном расположении духа, был отец Арсений. Однажды я набрался смелости и говорю ему:

– Геронда, что будет с этим старчиком?

И старец просто и со знанием дела отвечает:

– Он, послушай меня, чадо мое, не протянет и года.

Я получил его благословение и ушел на послушание, размышляя о том, что бедный старец нас утешает. Но открытое ему исполнилось буквально.

После одного непредвиденного несчастного случая этот добрый старчик покинул нас и отошел в небесные обители, получив, несомненно, награду за то, что без каких бы то ни было денег предоставил нам, как своим естественным преемникам, эту большую келию. В признательность ему старец, с согласия отца Арсения, назвал первого брата, постриженного в Буразери, Иоанникием. Этот монах, впоследствии насельник Дионисиата, не раз становился протепистатом Святой Горы.

С той поры вода потекла по своему желобку. В скором времени старец зовет кавиотов и, дав каждому значительную сумму, просит их всех позаботиться о том, чтобы устроиться где-нибудь в другом месте. И действительно, в скором времени они оставили нас. Многие поселились «у львов», как обычно называют большую хилендарскую келию святого Игнатия.

В Буразери эти кавиоты жили в верхнем здании. Как только они его освободили, некоторые из отцов, особенно любившие безмолвие (среди них был и отец Арсений), тотчас перебрались туда, потому что там было самое тихое место. К тому же на восточной стороне имелся прекрасный балкон, очень подходящий для летних бдений.

Но и тут нашу ночную тишь нарушал лай одной собаки, лаявшей без перерыва всю ночь напролет. Мы спросили своих соседей, чья эта дикая собака, и они сказали, что это собака псевдо-Василия. Ищи теперь, что это за лже-Василий!

Наконец мы узнали, что это монах, и к тому же старец соседней келии святого Кирика. Его имя было монах Василий. Впоследствии, не знаю как, к нему прилепилось и прозвище.

Ну вот, что теперь будет с собакой псевдо-Василия? Снова головная боль для старца Арсения. Однако и он, волновавшийся достаточно сильно, говорит: «Эх, отцы, она нам испортила весь наш покой. Но не волнуйтесь, что-нибудь да произойдет».

На следующую ночь собака точно воды в рот набрала. Проходит вторая ночь, третья – собака ни звука. Что с ней случилось? Нас зовет отец Арсений и говорит:

– К счастью, мы обрели покой. Я умолил Божию Матерь, и Она заткнула ей рот!

С тех пор благодаря чудотворному вмешательству старца мы избавились от беспокойства, которое производила собака. А хозяину ее осталось лишь недоумевать. Мы узнали, что однажды в одном из магазинов Кареи старец Василий (псевдо-Василий) жаловался:

– Случилось что ли что с этой пустыней, что собака моя онемела?
Таков один из примеров молитвенного дерзновения отца Арсения.

Последние подвиги

Добрая привычка даже в старости изобретает различные образы подвига. Когда отец Арсений состарился и не имел уже сил трудиться, он все же не желал есть свой хлеб даром. Он сидел на скамеечке и творил молитву или беседовал с благочестивыми паломниками, а его благословенные руки вязали четки, которые он раздавал своим духовным чадам, обучая их тому, как ими пользоваться, проговаривая на каждый узелок: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя»

Чин нашего ежедневного бдения Старец определил так: сначала молитва совершалась наедине на протяжении пяти–шести часов. За это время каждый монах совершал свое монашеское правило, состоящее из ста пятидесяти – трехсот земных поклонов и четырех четок по триста узелков, совершаемых с крестным знаменем. Бдение заканчивалось общим богослужением на два – два с половиной часа, завершавшимся ежедневной Божественной литургией.

Отцу Арсению, когда мы перешли в Буразери, было приблизительно восемьдесят пять лет. Несмотря на суровую жизнь, он, как сам говорил, ни разу не брал в рот таблеток. Однако тело его погрузнело настолько, что он, опустившись на колени, не мог встать без посторонней помощи. Но какие же способы изобретает хорошая привычка? Он часто говорил нам, что Исаак Сирий пишет в своих подвижнических словах: «Желающий спастись изобретает к тому различные способы».

Так и старец Арсений. Что же изобрел он? Он совершал поклоны, нагибаясь до своей кровати. Оттуда он мог встать. Но говорил:

– Раз эти поклоны половинчатые, то я делаю их в два раза больше и таким образом выполняю свою норму.

Что же касается молитвы, то он всегда, доколе был в силах, молился стоя или преклонив колени. Но, когда состарился, ноги стали выражать протест, и он начал изменять положение тела, молясь то стоя, то сидя.

Нам же он говорил:

– Доколе держат вас ноги, на молитве стойте, если желаете увидеть плоды.

И был прав, ибо на опыте вкусил сладчайшие плоды Святаго Духа после великих бденных трудов.

В возрасте приблизительно девяноста лет он говорил нам:

– Ненадолго начинаю молитву стоя. Меня настигает Божественная благодать. Я забываюсь, и, когда посмотрю на часы, проходит уже три часа.

Сладость, радость и мир душевный укрепляли обессилившее его тело.

Со старцем Паисием-подвижником

В 1968 году, если я не ошибаюсь, была укомплектована и преобразована в киновию одна из восьми идиоритмических обителей Святой Горы – монастырь Ставреникита. Первым его игуменом стал отец Василий – впоследствии первый игумен Иверского монастыря.

Отец Василий считался членом братства старца Паисия. Братство это состояло из нескольких монахов, подвизавшихся наедине под наблюдением этого великого и благословенного подвижника.

После преобразования монастыря Ставреникита по просьбе игумена Василия отец Паисий остался в обители для духовной поддержки новообразованной братии киновии.

По Божественному смотрению в ту пору занемог великий русский подвижник и духовник отец Тихон, безмолвствовавший на расположенной неподалеку и принадлежавшей тому же монастырю Ставреникита келии, посвященной Честному и Животворящему Кресту. За отцом Паисием осталась привилегия ухаживать за отцом Тихоном в последние его годы и самому закрыть ему глаза.

После преподобнической кончины этого великого аскета единоклассник с ним подвижник Паисий стал его преемником по келии.

С тех пор с этим приснопамятным и святым старцем у нас завязались самые добрые соседские отношения. Он часто принимал участие в наших ночных службах и в Таинстве Божественной Евхаристии. Впоследствии вошло в обыкновение, чтобы он ради любви разделял с нами общую трапезу и по просьбе нашего старца, отца Харалампия, (с большим смущением) давал нам некоторые наставления, по смирению обычно добавляя следующее:

– У вас нет в том нужды, потому что у вас есть два святых старца.

Со старцами он имел обыкновение беседовать наедине, иногда с обоими вместе, иногда по отдельности, получая от них, как он говорил, большую пользу. Но и старец по совету отца Арсения часто в трудных вопросах приходил к отцу Паисию, а иногда к Катунакиоту отцу Ефрему или к его тезке Ефрему из монастыря Филофей. Также он всегда советовался и со старцем Арсением.

Мой старец сам признавался мне:

– Никогда совет старца Арсения не был мне во вред.

Но и здесь, как всегда, проявлялось великое смирение отца Арсения. Зачастую он отсылал нашего старца к тем старцам, о которых мы упоминали, считая их выше себя.

В книге «Отцы-святогорцы и святогорские истории» старец Паисий посвящает маленькую главу беседе с отцом Арсением.

Отец Арсений по своей простоте выражает недоумение:

– Когда я молюсь по четкам стоя, то ощущаю сильное божественное благоухание. А когда молюсь сидя, едва его чувствую.

Отец Паисий был весьма удивлен, ибо понимал, что благоухание во время молитвы есть свидетельство чистоты сердца молящегося, той чистоты, благодаря которой сердце человеческое становится храмом облагоухающего его Святаго Духа. И все же он предпочел оставить старца наедине с его недоумением. С тех пор он преисполнился к нему особенного уважения.

В книгах мы читаем, что многие великие святые (преподобные Антоний, Пафнутий, Зосима и другие) задавались порой вопросом, есть ли люди выше них и насколько они выше. Как знать, быть может, и сей современный нам великий подвижник, старец Паисий, принял подобный помысл, и потому этого простого старчика озарило таким признанием

разрешить его недоумение.

Однажды отец Арсений сидел со старцем Паисием на скамейке во дворе. Отец Паисий спрашивает:

– Отец Арсений, видишь ли ты старца Иосифа во сне?

Старец в простоте отвечает ему:

– Да, геронда, вижу. Несколько ночей тому назад я видел его наяву. Он пришел, обнял меня и говорит: «Доколе мы будем жить по отдельности? Приходи, я жду тебя». А я ему отвечаю: «Но разве это в моих силах?».

Из своих личных бесед со старцем Паисием я узнал, какое уважение он питал к нашему старцу Иосифу. Мне он сказал такие слова:

Ах, что я потерял! Когда я приехал на Святую Гору, Старец был жив. Я слышал о его славе и спросил о нем одного своего знакомого. Он говорит мне: «Не слушай того, что тебе говорят. Все это ложь». Я поверил ему и не пошел познакомиться со Старцем. Но когда были изданы его письма и я прочитал их, тогда понял, насколько это был редкий человек и какого сокровища я лишился.

Небольшие поучения старца Арсения

Старец Паисий

Несмотря на то что по своему смирению старец никогда не брал слова на общих собраниях, келия его являлась небольшой учебной аудиторией, в которую приходили многие братья, чтобы укрепиться и задать различные вопросы.

Один брат спросил:

– Геронда, когда мы выполняем послушание, нужно ли произносить и молитву?

– Конечно, молитва не должна прекращаться.

– Мы стараемся творить молитву непрестанно, но ум наш рассеивается.

– Когда мы творим молитву столько, сколько есть у нас сил, то заставляем и ум понимать произносимое нами. Но, чтобы добиться этого, требуется большое понуждение. Однако во время работы устами говори непрестанно: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя». Ум, конечно же, рассеивается, отвлекается на работу, бродит то там, то здесь. Но ухо-то слышит, кое-что схватывает и опускает это в сердце. И даже если ты и не понимаешь молитвы, то сатана понимает ее очень хорошо и трепещет от одного только слышания имени Христова.

Вчера повар говорит мне: «Благослови, у меня подгорела еда». – «Верно, есть у тебя какой-то плохой помысл», – отвечаю ему. – «Не помню, геронда». Тогда я говорю: «Ум твой о чем-то замечтался, и молитвы не стало». – «Да разве это связано?» – «Связано, и еще как. Заметь, что, когда ты говоришь молитву непрестанно, пища никогда не отвлечет твоего ума, и увидишь, какую вкусную еду ты приготовишь!».

«Наш Старец (Иосиф. – *Авт.*) обычно сам готовил нам пищу. Я видел, как на протяжении всего времени приготовления на глазах его не высохли слезы. Где в тот час находился его ум? И знал бы ты, какие вкусные блюда он готовил! Его даже приглашали из разных келий готовить праздничную трапезу на престольные праздники».

При этих словах отец Арсений, слегка подтрунивая над поваром, поворачивается к нему и говорит:

– Да, а вот отец N. не молится, боясь, что у него подгорит еда.

Мы, конечно же, засмеялись. Старец Арсений был веселым человеком.

Мы разошлись радостные. А повару слова эти глубоко запали в душу: «Во все время приготовления пищи глаза Старца не просыхали от слез. Где, стало быть, находился его ум?..».

Другой брат спросил:

– Старче, у многих монахов в обычае во время работы вместо молитвы Иисусовой читать акафист Божией Матери. Что лучше?

– А, Божия Матерь очень любит акафист! Мы со Старцем прочитывали его наизусть во время работы два–три раза на дню. Вот здесь у меня есть книжечка с акафистом, где вначале говорится о том, что Божия Матерь являлась многим святым и обещала им, что, кто будет читать акафист каждый день, того Она и в этой жизни будет хранить, и в будущей, после смерти, будет ходатайствовать за него пред Своим Сыном. Основанием, конечно, является Иисусова молитва. Если есть у тебя охота к молитве, не прерывай молитву. Она возмещает все. Если молитва ослабнет, тогда читай акафист. Божия Матерь очень любит и молитву «Богородице Дево, радуйся». Иногда, как прочитаешь несколько раз эту молитву, Богородица дает такую неопишемую сладость...

– Геронда, когда тело от сильной усталости изнемогает, можно ли творить молитву лежа?

– Христос не требует от нас того, что выше наших сил. Если мы действительно не можем ни стоять, ни сидеть, тогда Он с нами, даже если мы лежим. Но если у нас есть силы, то сатана тут как тут. Он тотчас приносит небрежение и сон. Но у него есть кое-что и похуже.

– Геронда, можно ли пить вино?

– Это вы должны решить со своим духовником. Но будьте осторожны, потому что у юного вино превращается в кровь, а у старого – в воду. Что же касается пищи, то и в посты если принимаете немного пищи по утрам, это не приносит вреда. Лучше есть два раза в день и побеждать рог гордости, как говорит Лествичник, чем есть один раз и думать, что мы что-то делаем.

Отец Арсений после сурового подвижничества первых лет в конце своей жизни, когда уже укротил страсти, сообразовывался с общежительным уставом, но вкушал всегда с воздержанием. Однако когда он помышлял о прежних подвигах, его беспокоил помысл. Поэтому он часто говорил нам:

– Бог дал мне два дарования: первое – вкушать пищу два раза в день, а второе – никогда не болеть и не положить за всю жизнь в рот ни одной таблетки.

И разве это не было действительно особенным даром – после стольких суровых подвигов никогда не болеть и никогда на протяжении более чем семидесяти лет не мыть тела водой, кроме головы и ног? И, однако, тело старца всегда благоухало приятным ароматом пустыни.

Я уже не говорю о блохах, клопах и вшах, являвшихся постоянными сожителями двух подвижников. Они взимали свою дань даже с того небольшого количества крови, которое оставалось у старцев после столь строгого поста и умерщвления тела. И, несмотря на это, старец Арсений никогда не болел и до самой старости силы его не оставляли.

Во время одного небольшого собрания братии он между прочим сказал нам следующее:

– Насколько это в ваших силах, следите за тем, чтобы все отцы были вами довольны. Если в киновии у тебя хорошие отношения с девяносто девятью братьями, а одного брата ты по невнимательности огорчил, то он становится препятствием в твоей молитве.

Однажды один брат положил передо мной поклон и говорит: «Благослови, геронда. Я опечалил одного брата и потому молитва не идет». Я отвечаю ему: «Ну, ничего страшного. Положи перед братом поклон, чтобы пришла любовь, и молитва вернется снова». – «Геронда, но ведь я положил поклон перед тобой, разве этого недостаточно?». – «А вот и нет, – говорю ему, – недостаточно. В чем ты перед ним провинился, за то и попросишь прощения». Я видел, как внутри него происходила борьба. Наконец, он пошел и попросил

прощения. На следующий день он приходит снова и говорит мне: «Спасибо, геронда, за совет. Всю прошедшую ночь я молился с радостью и умилением».

– Геронда, просить прощения – это хорошо, но случается, что попросишь у кого-либо прощения, а он не прощает. Как быть?

– Ты попросил прощения? Значит, ты свободен. Следи лишь за тем, чтобы иметь любовь к брату. И впредь, пока он не примет твоего покаяния, немного тяни за него и четку.

Эти простые, но мудрые советы множество раз даже доныне служили для нас настоящей опорой в шествии по монашеской стезе.

Из жизни старца Арсения

Однажды в нашем монастыре, где отец Арсений провел последние годы жизни, один брат сказал ему:

– Старче, я сделал свои поклоны и перетрудился.

– А сколько поклонов ты положил?

– Сто пятьдесят.

Старец поворачивается ко мне и говорит:

– Ты слышал? Он положил сто пятьдесят поклонов и перетрудился!

Он сказал это со всей своей простотой и удивлением.

Когда у него собрались несколько юношей, я нашел подходящий момент и для нашей духовной пользы задал ему вопрос:

– Геронда, а вы сколько поклонов делали?

– Мы, когда были молодыми, делали до трех тысяч поклонов, и четку всю ночь я тянул с крестным знаменем. Но однажды у меня схватило плечо, и я сказал об этом Старцу. С тех пор он велел мне тянуть четку, не творя крестных знаменей, кроме тех, к которым нас обязывает наше ежедневное правило.

– Если можно, расскажите нам немного о ваших со Старцем подвигах.

– Первые годы в скиту святого Василия мы, похоронив своего старчика, подвизались вдвоем, но каждый по отдельности – в своей келии.

По инициативе Старца мы испробовали все виды бдений, о которых пишут святые отцы. Долгое время мы никогда не ложились в кровать. Бдение наше начиналось вечером и заканчивалось утром, на восходе солнца.

Когда уже светало, мы, уставшие и истощенные, садились в стасидии и на скамеечку, чтобы, прежде чем заняться рукоделием, отдать плоти положенную дань. Что же до пищи, то всегда, на протяжении всего года мы вкушали один раз в день, главным образом сухари, или хлеб, или еще что-нибудь, что попадалось под руку, без масла, кроме суббот и воскресных дней.

Днем мы занимались рукоделием, а я более всего следил за внешними нуждами келии. Одновременно мы непрестанно произносили «Господи Иисусе Христе, помилуй мя». Празднословие для Старца было смертным грехом.

– Ох, геронда, от такой жизни, что вы рассказываете, мы помрем.

– Нет, не так. Не смотрите на нас. Вы выполняйте две вещи, и у Христа мы будем вместе: послушание и свои духовные обязанности. Что же до поклонов, то делайте их по рассуждению старца – каждый по своим силам.

Я вам скажу еще о двух вещах. Насколько возможно, следите за языком, чтобы он не празднословил и не осуждал, но непрестанно творил молитву, когда вы заняты работой. Трудно это?

– Нет, геронда.

Вот вам мое благословение, исполняйте это, и у Христа мы все будем вместе. Ангел-

хранитель да шествует впереди вас.

Отныне и впредь будут говорить: «Иеромонаха Харалампия»

В Буразери мы прожили двенадцать лет (1967–1979). Келия эта была такой большой и удобной, что мы могли бы жить там даже до сего дня.

Но отсутствие людей в монастырях часто вынуждало их отцов просить нас укрепить ту или иную обитель по примеру братства из Проваты, с келии святого Артемия, которое успешно перешло в идиоритмический тогда монастырь Филофей, где был недостаток в монахах.

Братство старца Арсения в Буразери

Несмотря на свое первоначальное сопротивление, наш старец склонился на теплые просьбы своих духовных чад из монастыря Дионисиат. Хотя там было достаточно много молодых по возрасту монахов, тамошние отцы, думая о будущем, поспешили укрепить обитель братством и присутствием своего многолетнего духовника старца Харалампия.

Следует отметить, что после успения святого старца Иосифа все монашеские братства его духовных чад соединяющим звеном называли старца Арсения.

Еще прежде, чем зашла речь о нашем переходе в монастырь Дионисиат, отец Арсений увидел во сне старца Иосифа, который сказал ему:

– До сего дня говорили: «Арсения-монаха и его братство». Отныне и впредь будут говорить: «Иеромонаха Харалампия».

Старец это усвоил, но дал сему другое объяснение. Охваченный желанием «разрешиться» и встретиться со своим возлюбленным сподвижником, он говорил:

– Кажется, сократились мои дни, и Старец предупреждает меня, чтобы я приготовился.

Но вскоре наш переход в монастырь Дионисиат стал свершившимся событием. Вследствие этого, когда каноническим игуменом был избран наш старец отец Харалампий, уже по чину поминалось его имя. Тогда отец понял смысл слов Старца и с улыбкой говорил:

– Жаль, что не пришел еще мой час!

Последние годы в монастыре Дионисиат. Кончина старца Арсения В священную обитель святого Дионисия

После многих просьб, уговоров, обсуждений и принятия окончательного решения в начале сентября 1979 года наше братство наконец переезжает с хилендарской келии в благословенный монастырь святого Дионисия.

Эту священную обитель украшали многие известные наши современники, среди которых первым был старец Гавриил, являвшийся ее игуменом на протяжении целых сорока лет. Жизнь его в ту пору уже склонялась к закату. Кроме сего доброго пастыря, обитель обогатилась истинным чадом пустыни – подвижником Арсением.

От юности они оба предали себя Богу, одинаковое время провели в монашестве; будучи ровесниками, они и преставились в один год и перешли в небесные обители, чтобы получить воздаяние за свои монашеские труды.

На протяжении четырех лет мы сподоблялись вкушать их медоточивые слова – плод их многолетнего духовного опыта. И удивительно то, что до самого часа своего исхода они оба сохраняли ясность ума, без каких бы то ни было расстройств психики или галлюцинаций, что обычно случается с очень старыми людьми.

Первые два–три года эти два святых старца, держа свой старческий жезл, обходили

братий на послушаниях, укрепляя их в трудах. Исполнявшие трудные послушания знают, как, точно росой, освежало повара или гостиничника лишь одно присутствие великого старца. А если из освященных уст услышишь и два сладких слова, тогда душа получает отдых, молодеет и с двойной ревностью продолжает свой труд. В ушах одного повара, как рассказывал он сам, каждую секунду звучало утешительное слово старца:

– *Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне.*

Ты, чадо мое, услышишь это от Господа.

Бесспорно то, что братия, работавшие в Моноксилите, всегда сподоблялись особого благоволения великого старца Гавриила. Им он всегда давал двойные благословения: во-первых, потому, что этот святой старец начинал там свой монашеский искуc, а во-вторых, потому, что на протяжении всех лет его игуменства это подворье кормило монастырь. Кроме того, служащие там братия, отделенные от остальной монастырской братии, считаются как бы находящимися в «изгнании».

В монастырской больнице

Старец Арсений

Игумен Гавриил, первым открывший эстафету, за два года до своей преподобнической кончины прикованный к постели, госпитализируется в маленькую больницу монастыря. На следующий год за ним следует и другой подвижник пустыни – старец Арсений. Его помещают в ту же палату.

Благодаря ясности ума, которая отличала обоих старцев, больница нашего монастыря стала настоящим духовным центром, куда зачастили все, от игумена до последнего монаха, и даже многие из паломников.

Два медбрата нашего монастыря – отец Иаков и отец Каллиник – без усталости по очереди несли свое послушание, хотя у них было благословение ухаживать и за другими престарелыми и святыми монахами. Но в данном случае Божия Матерь и святой Иоанн Предтеча оставили их на этом послушании, чтобы они обогатились последними благословениями двух современных нам великих людей Афонского монашеского государства. Безусловно, было бы несправедливо умолчать и о добровольной помощи других братьев, таких, как монахи Агапий, Нифонт, Серафим и прочие, старавшиеся облегчить ежедневные труды наших медбратьев.

Плоды многолетних трудов

В своем Послании к Галатам апостол Павел, подводя итоги всех духовных подвигов, говорит о духовном плоде следующим образом: *Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание.*

Старец Арсений в больнице монастыря Дионисиат

Эти прекрасные плоды были явлены в обоих старцах, с тою лишь разницей, что первый прошел большую часть своего духовного пути как руководитель, а второй – как руководимый.

Каждый из них благоугодил Богу в том звании, в котором был призван. Трудно изменить образ жизни и нрав, приобретенный в течение всех прошедших лет. Первый – все еще властный, а второй – утешающий или молчаливый.

Один из медбратьев монастыря часто говорил нам:

– Я сподобился ухаживать за многими святыми старцами. Но такого кроткого ягненка, как старец Арсений, я не видал.

Приснопамятный старец Гавриил говорил:

– Поверь мне, обязанности по управлению монастырем не оставляли мне времени следить за собой. Только теперь я почувствовал сладость непрестанной молитвы и безмолвия.

Эта сладость молитвы, посетившая его на одре болезни, была не чем иным, как присутствием и свидетельством Святаго Духа о том, насколько угодил Богу этот святой старец на посту игумена.

Но преимущество истинного послушника состоит в том, что эти плоды Святаго Духа он вкушает на всем протяжении своего духовного пути в соответствии с тем, насколько он предал всего себя, без остатка, послушанию. Тогда его душа, плененная божественным эросом, растворяется во множестве слез, происходящих не от страха, а скорее от желания смерти, «во еже изыти и с Желаемым выну вселиться».

Если мученики и те, кто сподобился мученической благодати, в неописанной радости спешили, чтобы им отсекали ноги, руки и все члены тела, даже голову, то пусть каждый помыслит о том, насколько божественная любовь сильнее всех этих многоболезненных мучений.

До такой меры мученической благодати возвысился, предав себя многолетнему подвигу в послушании, этот благословенный старец – отец Арсений. Мы переживали и чувствовали это сами до последнего его вздоха.

Конечно, он не стал мучеником. Просто ему не было дано такой возможности. Но несомненно то, что он был мучеником по произволению, умерщвляя и порабощая тело другим видом мученичества: суровым житием, многолетними постами, всенощными стояниями, множеством коленопреклонений, лежанием на земле, хождением босиком и в рубище, переноса ругань, подобно юродивому, и претерпевая мучения совести: как бы не поддаться ни на йоту даже помыслу.

Итак, старец – безумный для мудрецов мира, но мудрый во Христе, потому что продал все, чтобы купить бесценный бисер – Христа. И вот уже вместе с Павлом он шепчет: *Подвигом добрым я подвизался, течение совершил...*

Блаженная кончина

1 сентября 1983 года. Лето на исходе. Оно предвещает одновременно об исходе двух столетних небожественных подвижников. Один за другим они передают эстафету.

Уходя из монастыря в столицу Святой Горы, где мне пришлось тогда нести послушание, и приходя обратно в монастырь, я спешил в монастырскую больницу. Услышав из уст опытного медбрата отца Каллиника о том, что дни старцев сочтены, я не желал этому верить. Несмотря на то что смерть – это переход к жизни, она все же часто угнетает человеческое сознание. Прожил ты с человеком целую жизнь вместе, и если отходящий к вечности является твоим духовным руководителем и благодетелем, то, несомненно, его отсутствие становится очень ощутимым.

Что касается нас, духовных чад старца, то это чувство господствовало в нас. Что же до самого освященного старца, то в ясности ума предчувствуя кончину, он открыл и обнажил всего себя перед своими духовными потомками.

Многие братья не успевали задать ему вопрос: как только они приближались, он опережал их, входил в их помыслы, в их затруднения и тотчас давал соответствующий совет.

Некоего брата, помышлявшего уйти из монастыря, он призвал и, наедине открыв ему его же собственные помыслы, предложил и соответствующие лекарства, чтобы избавиться

от брани.

Особенно же он открылся игумену – своему родному племяннику и крестнику, которого посвятил во многое, доселе тому неизвестное. Наконец, он дал ему последнее благословение и наставления.

Старец Арсений встречает начало сентября изможденным, но с ясным умом до самого конца, в полной готовности ожидая великого отшествия. Поодиночке прощается с братией, дает советы. Все происходит естественно и спокойно, как будто он просто переселяется в другое место. Но в то же время счет идет уже на минуты. Сообщение получено. Его исполнение как бы немного запаздывает. Но вот благословенный час пришел – глубокой ночью, в полночь с 1 на 2 сентября. На мгновение показалось, что лицо старца просияло, и затем душа его, подобно птичке, улетела к небу.

Но, чтобы не думали, будто он пренебрег своей любимой сестрой – монахиней Евпраксией, нужно сказать, что в означенную ночь, как старица сама рассказывала мне, она ощутила его живое присутствие вместе со сладким дуновением в душе. Причем продолжалось это до утра. Произошло к тому же невиданное и странное явление: всю ночь за окном келии какая-то сладкоголосая птичка пела так сладко, точно это было небесное ангельское пение, приготавливавшее ее к трезвенному принятию известия.

На рассвете 2 сентября звонок из монастыря Дионисиат принес одновременно и радостное, и скорбное известие: «Герондисса, ваш брат старец Арсений только что отошел ко Господу».

Праведных души в руке Божией...

Успение старца Арсения

Что же касается старца Гавриила, то совпало так, что в последние часы жизни своего сподвижника он находился в предсмертной афазии. Это случалось два–три раза, но он снова приходил в себя. В этот раз, как только он пришел в сознание, первым его вопросом было, что стало с другим старцем.

Медбрат говорит ему:

– Он почил, геронда.

Отец Гавриил помолчал немного, а потом с удивлением сказал:

– Хороший старчик.

– Откуда вы это знаете, геронда?

– Я увидел его в ярком свете, подпоясанного красным поясом.

Поинтересовавшись тем, что означает красный пояс, я узнал, что, согласно отцам, это символ девства и бесстрастия.

Но отец Арсений не замедлил забрать с собой и своего сподвижника – самого старца Гавриила, который дней через сорок последовал за ним, согласно со своим давнишним предречением.

...Как-то в 1966 году игумен Гавриил посетил нас в Новом Скиту. Из беседы со старцем Арсением он убедился, что они ровесники не только по возрасту, но и по годам, проведенным в монашестве. И тогда игумен сказал: «Ну, в таком случае мы – два старца – умрем вместе». Слово это стало настоящим пророчеством.

Погребение старца

Известие о смерти старца тотчас, подобно молнии, распространилось и по Афону, и за его пределами. В нашу обитель стеклось множество монахов почти из всех афонских монастырей, из калив и скитов, много мирян. Особенно же много было братий из монастырей и скитов, состоявших со старцем в близком духовном родстве, – Филофея,

Ксиропотама, Каракалла, Констанонита, а также с Катунак, из Нового Скита и из других мест.

«Приидите, последнее целование дадим, братие...».   Игумен монастыря Дионисиат отец Харалампий воздает последнее целование старцу Арсению во время последования погребения.   На заднем плане между двух священников виден приснопамятный старец Ефрем Катункиот

Последование отпевания было совершено с величайшим благоговением в соборном храме обители в присутствии многих игуменов афонских монастырей. Из собора святое тело старца было благоговейно перенесено в его последнее жилище. А чистую душу праведника встретил с распростертыми объятиями его блаженный спостник старец Иосиф. Помните, как однажды он посетил его и с великой любовью ему сказал:

– До каких же пор мы будем жить по отдельности?

Приснопамятный старчик со свойственной ему простотой ответил тогда:

– Разве это в моих силах?

Но вот и пришел благословенный час окончательной встречи двух сподвижников.

Незадолго до преподобнической кончины отца Арсения снова приходит к нему Великий Старец, однако на этот раз не для того, чтобы спросить: «Когда ты придешь?», но сказать: «Арсений, настал благословенный час. Я жду тебя с распростертыми объятиями».

Когда два юноши впервые встретились на вершине Афона, они дали обещание, что только смерть разлучит их.

Смерть первого заставила двух неразлучных подвижников расстаться на двадцать четыре года, чтобы потом навеки соединить их по кончине второго. Как вместе они подвизались, так вместе и вкушают сладчайшие плоды своих трудов и в то же время вместе непрестанно молятся, как обещали, об осиротевших чадах и о всем мире, особенно же о всех, с верой призывающих их молитвы.

Вечная им память!

Эпилог

Заканчивая настоящее жизнеописание приснопамятного старца Арсения, я чувствую, что по мере сил выполнил великий долг – долг признательности духовному отцу, благодетелю и учителю всех нас – его духовных чад, которых он воодушевлял прежде всего своей добродетельной жизнью, а затем своими простыми духоносными словами, служившими отражением многолетнего опыта и подвига под руководством великого современного наставника пустыни – Иосифа Исихаста.

Они оба сражались с началами и властями тьмы, выйдя из этой борьбы победителями и получив почести высшего звания.

За возможные упущения и несовершенства книги я прошу снисхождения в первую очередь у старца, а потом и у всех его духовных чад, желая, чтобы настоящая книга послужила поводом для нового и лучшего издания.

Что касается ее названия, то я полагаю, что именование старца Пещерником уже общепринято ввиду того, что приснопамятный большую часть жизни провел вместе со своим сподвижником *в горах, пещерах и ущельях земли*.

Безусловно, подошло бы и название «Арсений Исихаст», а также старец по

справедливости мог бы быть назван «таинником и истинным чадом Богородицы».

Госпожа наша Богородица, жившая вначале во Святая святых (впрочем, и вся жизнь Ее является образцом для исихаста), проявляет, как известно, особенное благоволение по отношению к монашескому воинству. Она по преимуществу является Предстательницей, Питательницей, Руководительницей, а также и источником благодати и утешения для тех, кто отрেকেся от мира, от суетных наслаждений и даже, по слову Господню, от самого себя.

Старец Арсений, благодаря самоотречению и своим сверхъестественным подвигам, действительно стал таинником и истинным чадом Богородицы, всегда с дерзновением умоляющим Ее о нас. Поэтому в заключение мы просим его святых молитв к Госпоже нашей Богородице, а также к Рожденному от Нее. Аминь.

Вечная ему память.

Посвящается Иеромонаху Харалампью, Дионисия обители некогда игумену, как духовному моему отцу, во афонитов житии рожденному, Пещерником же Арсением из купели воспринятому, сподобившемуся видеть обоих богоугодное житие, явившемуся отражением исихаста Иосифа Пещерника. Свидетельствую о сем малым, признательность имея большую.

Прими же, отче приснопамятне, недостойного чада твоего убогий дар.

Приложение

Иеромонах Харалампий, исихаст и игумен (1910–2001)

Когда настоящая книга готовилась к изданию, в небесные селения был призван, дабы присоединиться к прежде него отшедшим святым отцам, великий отпрыск братства нашего приснопамятного и святого старца Иосифа Пещерника – мой блаженный старец отец Харалампий.

Нижеследующие строки являются кратким памятным очерком, написанным по чувству неизмеримого долга, уважения и признательности. Что же до более полного жития старца, то я питаю благую надежду, что в очень скором времени и нашим монастырем, над которым он на протяжении целого десятилетия осуществлял пастырское руководство, и другими людьми, знавшими его и сподобившимися с его стороны различных благодеяний, будет написано многое.

Я умалчиваю о первом периоде его жизни – времени великих подвигов и чудесных событий, в ряду которых особое место занимает спасение от верной смерти от болгарских участников комитата. Спасти же тогда удалось благодаря чудесному вмешательству великомученика Георгия.

Из того, что я, как его послушник, на протяжении тридцати пяти лет (1965–2000) увидел, услышал и пережил сам, здесь помещаю лишь немного.

По ревности, обычно отличающей молодых людей восемнадцати – двадцати двух лет, я, когда был в Афинах, познакомился едва ли не со всеми сколько-нибудь известными духовниками. Среди них были: отец Епифаний (Феодоропулос), отец Порфирий, отец Иероним Эгинский, благодатный священнопроповедник Димитрий (Панагопулос) и многие другие, к которым я, безусловно, испытываю великую признательность.

Но, по Божественному смотрению, тем, к кому я по-настоящему привязался всем своим сердцем, был мой приснопамятный старец отец Харалампий. Лишь впервые встретив его, я, подобно иному Филиппу, воскликнул, обращаясь к одному своему сердечному другу (да не покажется это преувеличением) со словами, подобными апостольским: «Мы обрели мессию», то есть учителя.

С тех пор я был не в силах разлучиться с ним. В лице этого простого иеромонаха я (не потому, что был достоин, но, я бы сказал, по его молитве, как второй Мотовилов) почувствовал нечто и обрел крупинцы от его духовного богатства.

Я уверен, что под этим свидетельством подписалось бы множество его духовных чад и на Святой Горе, и за ее пределами.

Не было бы преувеличением, если бы я назвал старца Харалампия учителем умной молитвы. Конечно, и сегодня, как и прежде, есть и наставники, и бесчисленные книги об умной молитве. Но настоящих учителей, к которым относится и мой приснопамятный старец, отличает вместе с учительством и способность передать дар тем, кто слушает их с верой и обладает способностью к восприятию.

Я знаю, что даже с непослушными людьми случалось, что после первой встречи со старцем, после первой исповеди и его наставления они с первой же ночи входили в ритм восьмичасового бдения. В результате их поведение изменилось и они стали примером и для простых, и для духовных людей. Некоторые из них пополнили ряды монахов.

Приснопамятный был богат многими и великими добродетелями: любовью, сострадательностью, долготерпением, смиренномудрием и прямоотой. Венцом же этих добродетелей были блаженная простота и милосердие.

С первого же дня своего монашества он подвизался в еженощном бдении, сопровождавшемся множеством коленопреклонений и слезами любви, проливаемыми не только о Боге, но и о всем мире. Его бдение всегда было всенощным и завершалось в полночь ежедневной Божественной литургией, во время которой он поминал тысячи имен живых и усопших людей.

Рассудительный Старец уже на втором году монашества отца Харалампия возвел его на степень пресвитера. С того времени и до старости, когда его поразил острый инфаркт миокарда, он никогда не оставлял Божественной литургии. Служение его всегда передавало присутствующим преизобильную благодать. Конечно, мы не сомневаемся в действенности служения любого священника, но служитель, сам исполненный благодати, делится ею со своими «сотрапезниками» ощутимым образом.

Незабываемы воспоминания о его литургиях в подвижнических каливках Малой Анны и Нового Скита, где он часто не мог сдержать обильно изливавшихся слез и прерывал свои возгласы, продлевая тем службу.

Но самые неизгладимые впечатления остались от пасхальных литургий. Его Старец всех своих послушников отсылал в кириакон скита. Оставались только отец Харалампий и два псалта – старцы Иосиф и Арсений. От возгласа «Благословенно Царство» и до самого отпуста все трое принимали участие в службе, часто прерывавшейся непрерывными слезами, рыданиями любви и славословиями. «Там, чадо мое, мы не праздновали Воскресение, а переживали его. Знаешь ли ты, что это такое, когда Христос немного покажет тебе ту радость, которую чувствовала в тот час Божия Матерь?..».

Чудеса, совершавшиеся по молитвам отца Харалампия

Благодаря пламенной молитве приснопамятного старца Харалампия мы часто видели, слышали и переживали сами многообразные чудеса. Он исцелил множество больных, очень многим помог в затруднительных ситуациях, изгонял демонов и совершал немало иного, достойного удивления.

Когда его просили помолиться, он не во всех случаях бывал услышан. Но чудесно было то, что в молитве он всегда получал соответствующее извещение. Поэтому иногда он уверял просителя, что Господь поможет. А в другой раз говорил: «Бог желает помочь, но чего-то хочет от тебя самого». И действительно, многие имели или неисповеданные грехи, или размолвку с кем-либо, или поступили несправедливо, или держали на кого-то зло. По необходимости они исправляли себя и бывали услышаны Богом. Иногда же старец прямо и недвусмысленно возвещал: «На то, о чем ты просишь, нет воли Божией».

Великим чудом было и то, что он служил для людей источником благодати – до такой

степени, что, бывало, если у кого «подсядут батарейки», он спешит к отцу Харалампию, точно к зарядному устройству, чтобы «подзарядиться».

Что касается иных духовных дарований, то он был человеком исключительно прямым, простым и милостивым. Он одинаково смотрел на всех, поэтому иногда случалось, что некоторые люди использовали это в корыстных целях.

Что же до милости, то, осмелюсь сказать, что с его уходом в этом отношении кончилась целая эпоха. Он благодетельствовал всем без различия. И конечно, многие бедняки, прежде чем обойти все монастыри с известным письмом, посещали Буразери. Причина была очевидна: существенный взнос старца, который, если о том просили, записывался на бумаге, подвигая монастыри проявлять большее усердие и делать более значительные пожертвования.

Однажды я, новоначальный, осмелился спросить:

– Но, геронда, откуда же у вас столько денег?

А простой, однако мудрый старец ответил:

– Подожди, чадо мое, и ты сам увидишь благословение Божией Матери.

И действительно, я увидел и удивился.

Но приснопамятный старец оставил нам и образец смиренномудрия, когда после первого приступа болезни по собственной воле отказался от игуменского достоинства, передав игуменский пастырский жезл и пятьдесят братий в надежные руки одного из своих избранных учеников. Сам же удалился в свою келию, отдав предпочтение безмолвному и беспопечительному житию.

С тех пор как надорвалось его сердце – орган, своим биением питающий все душевные и телесные силы человека, – прекратились по необходимости великие подвиги прежних лет; они как бы вошли в естественные границы. Но неизменными пребыли плоды Святаго Духа. Святые отцы учат: «Подвизайся в юности, чтобы в старости обрести плоды бесстрастия». Но и Господь говорит: *если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное*. Блаженный старец, что касается доброты и незлобия, обратился и стал как младенец.

Отец Хараламбий как духовник

Старец Арсений и отец Хараламбий в Буразери

Приснопамятный старец преуспел как послушник, как исихаст, как священнослужитель, как игумен, но также – и как духовник. Он был не просто духовником, имеющим власть «вязать и решить», но истинным духовным отцом. Затруднение исповедующегося он воспринимал как свое собственное. Он трудился и страдал вместе со страждущим.

Для примера я приведу всего лишь два случая.

Как-то раз некоторый брат, страдавший от лукавого демона, поспешил к старцу. Приснопамятный, зная, что *сей род изгоняется только молитвою и постом*, а также чтобы подбодрить страждущего брата, постился вместе с ним, вкушая пищу без масла на протяжении сорока дней в то время, когда не было поста. Ради него он отслужил сорок литургий и, кроме восьмичасового бдения, совершал дополнительные молитвы, пока брат не получил исцеления.

В другой раз один монах изнемог и не имел сил для совершения своего келейного правила (ста пятидесяти земных поклонов). Но, не проявляя снисходительности по отношению к себе, старец не отменил правила, а взял тяжесть брата на себя, сказав ему:

– Дерзай, чадо мое, твое правило буду совершать я – до тех пор, пока ты не

укрепишься.

В результате этот брат, понуждаемый совестью, через несколько дней уверил старца, что сам исполняет свое правило.

Испытали благотворность помощи старца и учащиеся Афониады вместе с ее прекрасным директором, епископом Родостольским, когда на протяжении целых двенадцати лет наше небольшое братство жило по соседству с ними на большой хилендарской келии Буразери. Практически все ее ученики и многие преподаватели часто приходили к нему на исповедь и для духовного руководства.

Из сонма этих учеников и преподавателей вышли епископы, множество иеромонахов и просто монахов, подвигающихся как на Афоне, так и вне его, хороших и благочестивых женатых клириков, а также выдающихся ревнителей о исполнении евангельских заповедей и добрых семейных людей.

Обучившись «у ног» великого учителя умной молитвы, они в непрестанной молитве черпают силы и просвещение для успешного совершения своих трудов, избегая сетей началозлобного диавола.

В свою очередь, и они стали малыми учителями этого священного и благословенного делания, умной молитвы, следуя учению своего наставника.

Очевидно, что старец наш ушел, но дело его по-прежнему продолжается.

Вечная ему память.

Примечания